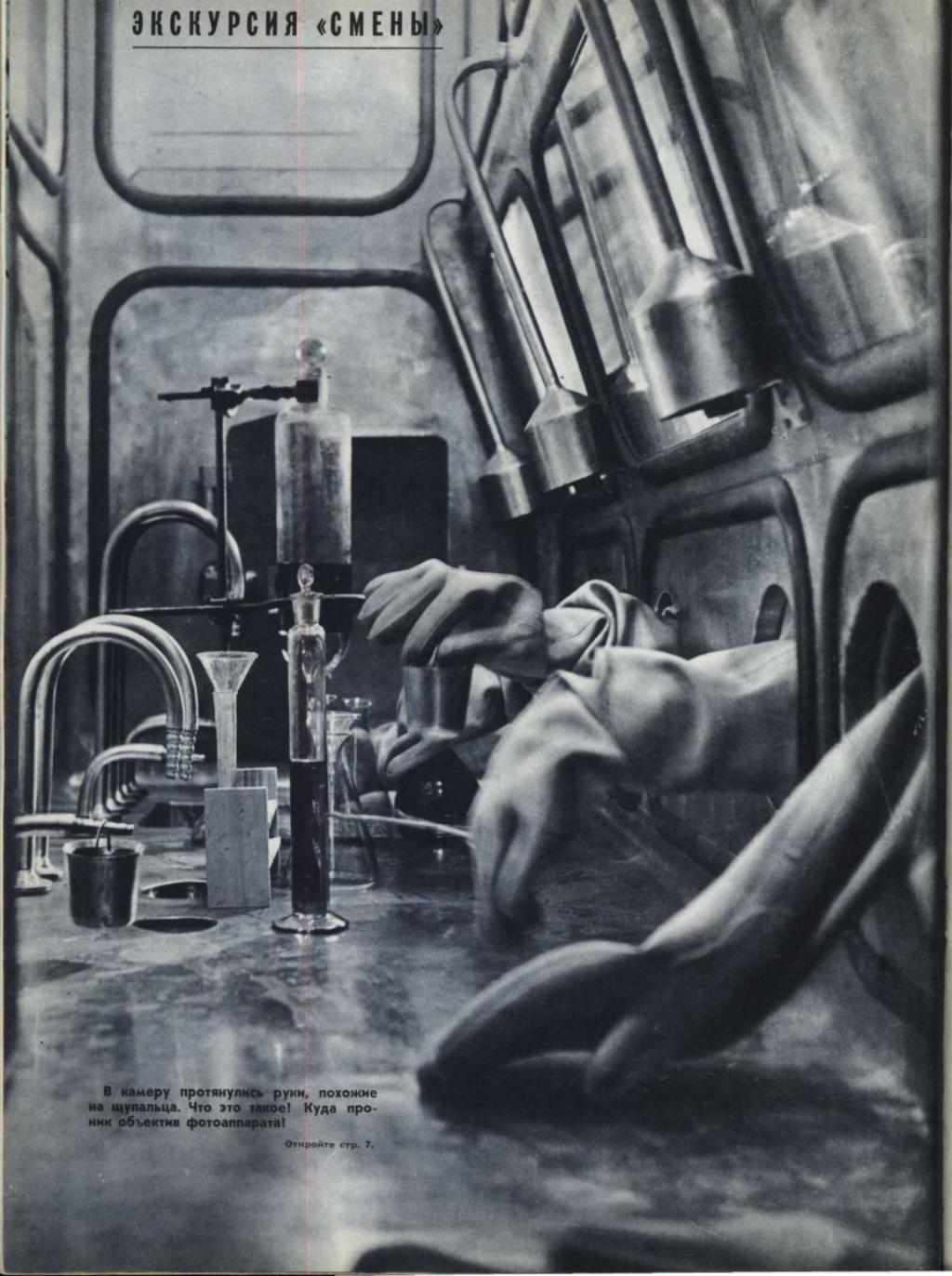

СМЕНА

1960

ЭКСКУРСИЯ «СМЕНЫ»

В камеру протянулись руки, похожие на щупальца. Что это такое! Куда про ник объектив фотоаппарата!

Откройте стр. 7.

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

26
июня

КАК ВЫ ГОТОВИТЕСЬ К ЭТОМУ РАДОСТНОМУ ПРАЗДНИКУ ЮНОСТИ?

Секретарь Коломенского горкома
комсомола В. Лебедев отвечает:

У нас будет так!

«День советской молодежи — праздник юных, а не празддик для юных!» Все сделано для юных! Все для юных! Все для юных! — вот девиз комсомольцев нашего города, которые уже давно начали подготовку к празднику. Замечательными делами встречают молодые коломенцы свой праздник. За этими делами — неугомонная комсомольская выдумка и инициатива, благодарный порыв юных сердец, неустанные трудовые творческие.

К многоголосому хору гудков, звонков, сигналов из тепловоэнергетического завода присоединяется молодой и молчучий голос. Это гудок нового скоростного пассажирского тепловоза «ЭП-60», который совсем недавно вышел на стальные магистрали вслед за своим старшим братом, первым в стране газотурбовозом. Оба брата-испытатели созданы руками молодых рабочих и конструкторов Москвы.

Заводской подарок к празднику юности приготовлены молодые рабочие завода тяжелого станкостроения. Они в рекордно короткий срок собрали сверхпланированый горизонтально-расточочный станок «КУ-160». Сократив цикл сборки в пять раз, комсомольцы досрочно рапортовали о выполнении взятых обязательств. Сейчас этот станок установлен на одном из машиностроительных предприятий Москвы.

Молодые специалисты завода «Техникомаш» приобщили сотни любознательных рабочих-комсомольцев к великолепному делу — изобретательству и разнообразии. И результаты говорят сами за себя. За счет массового внедрения рационализаторских предложений сэкономлено около трехсот тысяч рублей...

Учащиеся средних школ собирают металлический пол в фонд трудовых подарков Дню советской молодежи. Искатели «зеленых алмазов» уже сдали около трех тысяч тонн металломела, из которого после переплавки тракторостроители смогут выпустить две десятки мощных тракторов...

Много нового появилось в

жизни молодежи нашего города. Сегодня уже четырнадцать батальонов и участков боеготовности за высокое звание коммунистических! Свыше четырехсот юношей и девушек выехали по комсомольским путевкам на постоянную работу в колхозы и совхозы района. Учащиеся десятого класса Парфентьевской средней школы после сдачи экзаменов не отставали от зрелости из-за того, что жалование на работу в колхоз «Сергиевский», чтобы своими руками увеличить производство мяса, молока, картофеля и овощей. Сельская молодежь выезжала на колхозные поля 300 тысяч тонн удобрений. Комсомольцы завода имени Куйбышева склоняли около миллиона киловатт часов электроэнергии... И все это в честь Дня советской молодежи.

Не только в труде, но и в культуре спорта добились новых успехов коломенские комсомольцы. На заводе имени Куйбышева комсомольцы подхватили начинание инженера Николая Гапченко, взявшего обязательство подготовить трех молодых рабочих к поступлению в высшие учебные заведения. Теперь сотни юношей и девушек занимаются на заводе-кубинке по подготовке рабочих в техникумам. Значительно выросли и ряды коломенских физкультурников. Сейчас в нашем городе насчитываются свыше 20 тысяч спортоменов...

16 июня начнется юбилейный день по благоустройству родного города. Будут созданы три новые скверы, высыпаны тысячи деревьев и кустарников, разбиты цветочные клумбы, реконструирован стадион, оборудованы десять новых спортивных площадок...

В эти дни первичных комсомольских организаций города пройдет веселому празднику юности. Ребята рисуют плакаты, шьют кормильные костюмы, сочиняют песни, мастерят приспособления для фейерверков.

Как-то пришла в городок группа комсомольцев. Рязанов зашел к тому, что у нас плохо еще используются средства морального поощрения

отличившихся людей. Эта беседа напомнила нас на мысль провести комсомольский рейд по заводам, фабрикам, стройкам, учреждениям и проверить, в каком состоянии находятся книги и доски почета. В результате было вскрыто много непорядков. Тогда мы решили так: передовиков производства, имена которых на протяжении восьми лет не фигурировали на доски почета, записали и поместили в особый список, выбытый с золотом и гранитной доске почета предприятий.

В клубах и театрах города в День советской молодежи мы думаем ввести квеста ударников коммунистического труда. Пусть всем знают, что те, кто сидят в первых рядах, зарабатывают это почтенное право замечательным трудом. Нам думается, это станет хорошей традицией...

Как же будет проходить праздник у нас, в Коломне? С утра десятки тысяч юношей и девушек направляются в лес близ села Туменского, что недалеко от города. На берегу реки они попадают в красочно уbraneную «каплю победителей», где будут выставлены портреты молодых новаторов производства, победителей трудового соревнования в честь праздника.

В 11 часов состоится торжественное открытие праздника. Молодежь поздравит победителей соревнования, покажет им новых успехов в работе. Затем выступят коллективы художественной самодеятельности, солисты, струнные оркестры, чтецы-декламаторы. Но спортивные программы не будут состояться: футболисты, баскетболисты, городоносики, легкоатлеты и баскетболистки. Вечером праздник продолжится на площадях и улицах, в парках и скверах города. Здесь молодежь познакомится с членами бригад коммунистического труда, которые выступят в обозрении «Радость я — это мой труд» является в этой мой труд включает в себя мой ребус-римик, подает на выстrelке памятники, памятники, устроенные в многочисленных концертах, веселых играх и танцах. Праздник юности завершится большим красивым фейерверком.

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ГОРДЯТСЯ ТЕМ, ЧТО ОНИ ЛЮДИ ТРУДА. СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ РАБОТАЮТ ХОРОШО ПОТОМУ, ЧТО ЗНАЮТ: РАБОТАТЬ И ДЛЯ СЕБЯ, ВОТ ПОЧЕМУ КАЖДЫЙ НА СВОЕМ ПОСТУ — У СТАНКА, ЗА РУЛЕМ ТРАКТОРА, В ЛАБОРАТОРИИ — ДОЛЖЕН ЕЩЕ БЫТЬ ПОДНИМАТЬ ТРУДОВУЮ АКТИВНОСТЬ, ЧТОБЫ ВСЕ ФИРМЫ ТРУДЯЩИХСЯ С ПОМОЙЮ ОТДАЧЕЙ СИЛ И КАК ПЧЕЛА НЕСЕТ НЕКТАР В УЛЕЙ, ТАК И КАЖДЫЙ ТРУДЯНКИН ОДДАВАЛ БЫ СВОИЙ ТРУД НАШЕМУ ОБЩЕМУ БЛАГОДРУДНОМУ ДЕЛУ.

(Из выступления Н. С. Хрущева на Всесоюзном съезде союзов профсоюзов соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда).

Фото Г. Дубинского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

11

ЮНІОН
1960

РАЗВЕДКА ДОКЛАДЫВАЕТ...

Кажется, совсем не много времени прошло с тех пор, как в депо Москвы-Сортировочном зародились движущие силы коммунистического труда, а ныне число последователей молодых железнодорожников достигло уже почти миллиона и продолжает расти и расти. Теперь уже не только бригады, а цеха, целые предприятия борются за звание первых в стране мастерами коммунистического труда. Участников этого благородного двинения в парке мастеров называют разведчиками будущего.

Что же доносит разведчик? На номинации «Трехгорка» замулировано, что он имеет право называться коммунистическим вливанием — целиком две фабрики, три цеха, пять машинных мастерских, установленная хорошая традиция. Время от времени разведчики будущего доносят о своих успехах, обмениваясь опытом.

Однотипен и пойдет наш фотограф.

Трудно сказать точно, в какой день и час вымыли из оконных щелей ворот комбината грузовики с тем самым пополнением... Не зарегистрировано также и то, в какие именно магазины были отправлены 770 мужских рубашек, сшитых из этого пополнения. И уж совсем неизвестно, кто их купил. Известно одно: были такой день, были отличные мужские рубашки, и, безусловно, где-то есть люди, их купившие. Они, конечно, ничего не подозревают. А все дело в том, что этих 770 сорочек могло и не быть.

Как это так! — удивитесь вы. А вот послушайте...

Работают на комбинате «Трехгорная мануфактура» шесть прядильщиц. У них пронзительные руки и зоркие глаза. Так что на одной из машин неподалеку: нить обрывается или еще что случится, — кто-нибудь из шести тут как тут. Ловко! Глазы — мигом связуют нить, глядишь — она снова побежала, точно тоненькая водяная струйка.

Движения прядильщицы расчленены по секундам. Например, на прискуску они ложатся всегда 5 секунд. Прядильщицы, о ко-

торых идет речь, тратят на прискуску 2,7 секунды!

С бригадиром Марии Алексеевной Мариненковой и прядильщицами Дарьей Павловной Смирновой, Валентиной Юрловой, Галиной Арышевской, Валентиной Погребелкой и Зоей Семеновой мы познакомились при обстоятельствах не совсем обычных. В тот день после окончания смены никто из прядильщиц домой не ушел. Все собрались в красном уголке.

Разговор начался Любовь Ивановна Греханова, мастер цеха. Сегодня на нашем рабочем собрании выступят члены бригады коммунистического

труда, которой руководит Мария Алексеевна Мариненкова. Они расскажут о том, как работают, учаться, отдыхают. Поговорить, на верное, есть о чем.

Первой слово попросила бригадир. Коммунист Мариненкова принадлежит к тому поколению трехгорцев, которое пришло на комбинат в годы первых пятилеток. Мария Алексеевна всегда в гуще всех начинаний и общественных дел. Комбинат давно стал для нее вторым домом. Поэтому ни для кого не было неожиданностью, когда бригада Мариненковой одной из первых решила бороться за звание коллектива коммунистического труда.

Фото
В. Сажка.

Первой слово взяла бригадир...

Валентина Юрлова: — А мы все-таки на своем стоянке, расчеты показываем...

Мария Алексеевна Мариненкова, бригадир. Думаю, многих интересуют наши производственные дела. Что ж, краснеть не приходится. Наши прядильщицы сейчас обслуживают по 1600 веретен, причем без съемщиков готовой продукции. А ведь, по подсчетам планового отдела, переход на обслуживание такого количества веретен бригада должна была лишь в последние год семимесячками.

Голос с места. Вот так напланировали!

Мария Алексеевна. Плановиков критиковать тут нечего. Они подсчитывали по-своему верно. Тут уж скорее виноваты мы, что отстали от расчетов. А было это так.

Все вы помните время, когда обслуживали мы 960 веретен. Работали хорошо. Претензий нам не предъявляли. Но самим-то нам видно было, что машин можно было больше. Тогда нас было восемь прядильщиц. Да еще четыре сменщицы. Это значит, что дневандерялся человек. Посетовали мы на бригадном собрании и решили: можем вполне обслужить 1280 веретен. Только надо слаженней работать, помогать друг другу, как следует изучить наиболее прогрессивные приемы труда.

Тогда по нашей просьбе были организованы технические курсы. Две раза в неделю ходили мы на занятия. И вот в результате смогли перейти на обслуживание 1280 веретен. Причем работали стали только шестьюстерьером. Решение это можем обйтись без съемщиков готовой продукции.

Голос из зала. А как с ними?

Мария Алексеевна. Все перешли на другие операции. Без работы никто, конечно, не остается.

Лида Целовальникова [из другой бригады коммунистического труда]. Расскажите, как вы перешли на 1600 веретен.

Валентина Юрлова. Ох, и немало нам тогда повеселилось!

Мария Алексеевна. А ты встань и расскажи.

— Не послезавтра за нами плановики, — смеются работницы.

Слово просит Лида Целовальникова.

Валентина Юрлова. Когда мы решили, что сапоги обслуживать 1600 верст, до того же и беда смычка, и нас все руки замерзли, не спасались! Но сапогами текстильным предпринимателем в стране этого нет. Мы все-таки на своем стомах, расчеты показываем. Заведующий фабрикой нам, в конце концов, говорит: ладно, пишите только заявление, что самим наставляем. Мы написали.

Решали переходить в знаменательный день — 8 марта. Пришли на работу, вспомнились, конечно Народ вокруг собрался. Тогда все переглянулись на нас... Ну, да все хорошо прошло. Еще по 2 килограмма пряжи сверх запланированного дали в тот день.

Потом мы о своем опыте где только не рассказывали: и в раком партии, и в совнархозе, и на других текстильных предприятиях! Да вы об этом и сами знаете.

Мария Алексеевна. В прошлом году мы дали сверх плана 2 тонны 900 килограммов пряжи, выпустив 99,8 процента продукции первым сортом.

Потом разговор зашел о других далах brigady. Рассказывая об этом, Мариненкова и остальные то и дело заглядывали в не- большую тетрадку. Это дневник brigady. Сюда Мария Алексеевна записывает все примечательное в их жизни. Вот несколько выдержек из дневника за нынешний год.

«27 января. В зале Дома культуры была встреча с Полем Робсоном. Мы все очень волновались за Валю Юрлову: ей поручили приветствовать знаменитого певца. Но Валю хорошо выступила, и вообще вечер прошел интересно».

«1 февраля. Сегодня знаменательный день — первый день работы семь часов. Ушли с фабрики на концерт в Дом культуры. Каждая придильщица дала больше, чем обычно, на 2–3 килограмма. В целом наша brigada на 14 килограммов превысила смешное задание».

«9 февраля. Были на беседе о политической обстановке во Франции. Эта тема всех интересует: ведь скоро туда поедет товарищ Хрущев. Было задано много вопросов».

Галия Арцышевскую знают на «Трехгорке» как умелую придильщицу.

Дарья Павловна Смирнова рассказывает о своей встрече с Валентиной Гагановой.

Скупы и лаконичны эти записи. Но за ними видна большая, питкая, интересная, полная событий жизнь brigady.

Внимательно слушали своих товарищниц работницы придильной

«12 февраля. Сегодня отмечали день рождения Валы Юрловой. Вручили ей подарок от всей brigady, поздравили ее с юбилеем, пели песни в усадьбе. Ведь восной Валы назначивается 10-й класс».

«17 февраля. Недавно член народного обличения Мария Алексеевна была на конференции в Вышнем Волочке, познакомилась с Валентиной Гагановой. Сегодня она нам рассказывала нам о своей поездке.

Вечером были в Театре имени Маяковского на спектакль «Красная история».

«1 марта. Проверяли рабочие приемы придильщиц. Особых замечаний не было, основные ошибки были единичными промахами. Только Галия Арцышевская сделала замечание в отношении чистоты рабочего места».

Фабрики. И нет сомнения, что, слушая сообщения разведчиков будущего, многие решатся жить и работать так же, как и они.

Двадцать две brigady, более 2 тысяч человек участвуют сейчас на «Трехгорке» в соревновании за звание коллектива коммунистического труда. И с каждым днем все новые и новые люди, brigadi, цепи влизаются в это бурное, точно весенняя река, движение.

На этом, пожалуй, можно было бы поставить точку. Но ведь мы еще ничего не сказали о том, с чего начали: о пополнении рабашек.

наше общее дело. А сколько таких разведчиков будущего трудится на наших фабриках и заводах! И повсюду они доказывают:

— Путь открыт, смелей шагайте за нами, друзья!

* * *

Когда входишь на широкий двор комбината, в глаза бросается мемориальная доска: «В память рабочих, расстрелянных в этом дворе царским самодержавием в 1905 году» — начертано на ней.

Ниже следуют 14 фамилий. Самому младшему революционеру, Зернову, было восемнадцать

Много писем приходит в brigadu. Это письмо — от текстильщицы ГДР.

«27 марта. Воскресенье. В Доме культуры был вечер открытия фабрики. Мы заранее условились, что обслуживать участников вечера будут члены brigady коммунистического труда. Все пришли с семьями. Все выглядело очень необычно. Лидия Ильинична Арцышевская и Галия Арцышевская и Зоя Семёнова участвовали в концерте. Юлия Юрлова проговорила мороженым. Я и Дарья Павловна спели для организованной вечерины. Все остались им очень довольны».

Да, трудно, конечно, сказать, в какой день и час выехал из широких ворот комбината грузовик с тем самым пополнением, которое в мае дала сверх плана brigada Марии Алексеевны Мариненковой, рабочей производительностью 1965 года. Но мы знаем, что из этого пополнения уже сшили 770 мускусных рубашек. Эти дополнительные тысячи метров ткани страны получила только от одной brigady коммунистического труда. Это, если можно так сказать, продукция, кое запланирована» государством. Ее могло и не быть. Но она появилась. Она рождена энтузиазмом людей, с радостью отдающих свой труд на

лет. Самому старшему, Салтыкову, 82, двадцать восемь лет...

И вот, конечно, «Слите, дорогие товарищи, мы за вас отомстим. Вы первые подняли знамя восстания. Мы донесли его до диктатуры пролетариата».

Клянемся донести до торжества коммунизма.

От рабочих Краснопресненской Трехгорной Мануфактуры.

Эти слова были высечены в 1923 году.

Что ж, нынешнее поколение молодых трехгорцев с честью несет знамя, полученное от старшего поколения.

Г. АНЗИМИРОВ

Рисунки А. Арцыбушева.

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Рассказ

I

авожение начинается с первой минуты, как только захлопывается дверь коттеджа. Движение... движение...

Сначала трясется. Он выскакивает из-за угла и трошит по реалиям. Он скрохотает так оголтело, будто хочет доказать Оле что-то чрезвычайно важное, самое главное в жизни. Он будто собирается разорваться от собственного скрежета и бессилия что-либо объяснить. Красный, нервный, он мчится по улицам и перекликается налево на всех поворотах. И все доказывает, доказывает... И ужасно сердится. Люди, склонясь, выходят, не остаются почти никого из тех, кто сел с Олей вместе, а трясину все идет своим путем, пока не подходит к к метро.

Тут совсем иной мир. Большие мраморные поверхности отражают множество отгней. Плавно текут эскалаторы, и через разные промежутки времени отскакивают матовые молочно-белые шары. Помимо подходит поезд; двери их, шипя, сами растворяются, пропуская людей, и сами закрываются. Волны теплого воздуха овеивают лицо и шею. В черных, будто лакированных окнах мелькают красные тени, отстеги бегут по дальней стенке инсталляции из стекол и пот зеркал. Надо выходить, а жаль покидать это приближение строгой математической красоты, мир точно отмеченных минут и линий.

На вокзала суета и шум. Прыгают стrelki больших вокзальных часов, загораются впереди зеленые огни семафоров...

Бежит, бежит электричка. Светит в ночи, трубят. Становится темно, и загораются под потолком яркие лампочки. В окне появляется отражение худенькой девушки с гладкими волосами, в короткой тонкой пижаме, руки на поясе, ноги в широких пышных коротковатых колготках, и вздернутый нос, и юмка на подбородке. «Неужели это я, взрослая, и на меня уже оглядываются мужчины, а мне ничего, и я не красивой? — вот даже какие дикие мысли приходят в голову Оле. Впрочем, вскоре ее одолевает сон.

За исключением, может быть, десятка чудаков и очень нервных людей, все тихо дремлют. Пронесется поезд, и все, кроме крепких, смеются белые стены берега. Что дальше от города, тем все чаще и чаще мелькают они за окном, выпичиваясь из ночной темноты, волны своей девственной чистотой и откровенным ожиданием счастья. Становится прохладно. Куда-то торопясь, бежит по wagonu заспанным, бледным проводником, сердце поднимает одно за другим все стекла, что-то невнятно бормочет... А пассажиры пригрались, солз захватывают их властью, почти душа. Жалко, что невозможно спящие, даже всхлипающие иногда, поднимутся в кухонную машину и выйдут на своей станции. Но все просыпаются, когда надо, выходят, и постепенно пустеет wagon.

Только двое мирно спят в раз-

ных углах — кудрявая девушка в белом платье и парень со связкой книг на коленях. Они спят, честно спят во втором от хвоста wagonе, с залитичкой отходящей от Марии, дважды пытавшейся открыть глаза. Ольга сердито борется с этой дверью, дрожит ручку, и на минуту ее охватывает страх, что они не успеют сойти. Но парень спокойно распахивает вторую половину двери, и они вырываясь в темноту, на мягкие доски первого.

Это — Духово. Теперь дом уже близко, а все-таки надо торопиться, если не хочешь идти да пешком. Прежде всего скрещиваешь руки, сидя на крыльце, и вспоминаешь, какая она изящная, какая изящная электричка, грохнула своим синим единственным газом, не выдыша за переход. Затем надо лесть через товарный состав, который, конечно же, вот он, стоит перед самой станцией.

Автобус еще не ушел, ждет пассажиров. Это последний перегон Автобус, содрогаясь, несется по шоссе. Он вибрирует, будто пытается прокрасться. Окна его зияют, прыгают в пазах, гудят все вокруг, приводят руки ноги трясется голова, руки в содрогании, отдельности. Наконец-то стоп Вымодилья: «Романовка». Так называют гипсовые вазы на воротах при въезде в дачный поселок, и пассажиры так называют эту остановку. Последов прохладе. Все направляются туда, а девушка и парень сворачивают в темноту.

Они идут далеко друг от друга, но как же хорошо слышны их шаги в темноте! Шумят над головой сосны, скрывают ясени. Звонко шествует твердыми листьями дубы. Но шаги скрохотут, гремят, они заглушают все.

Другие метров до калитки тянутся дальше, чем весь путь от самой коттеджи. «Кто этот парень? Куда идет? Неужели он живет на хуторе и вот так будет шагать еще добрых полчаса — через поле, через речку, мимо кладбища и старой церкви?»

Ольга берется за прохладное колцо калитки и здесь еще слушает, как он идет где-то там, в темноте. Но очень быстро, но и не медленно. Размеренно, твердо, как раз так, как должен идти человек, знающий, куда ему идти и зачем.

А для нее путь окончен. Вокруг тишина, темнота, Мадлен и домики. Стоит памятный недавно столб сауны, на саунах брошено деревянное корыто. Волчок лениво вибрирует из конуры, машет хвостом и зевает. На тропинке является кукла. Бурятина с оторванной ногой: играл племянник... Все это их дом, от самой калитки. Никто чужой не посмеет сюда зайти.

И как в доме, здесь горят свет. На проволоке, протянутой через сад, тихо покачивается электрическая лампочка. Она висит над престолом. Сидит на нем! Боже! И громко кричит! И громко плачет! мед, запах струится в воздухе. Кажется, будто он скопился тут за день и ждет Олью, чтобы враз, словно из шайки, обдать и оглу-

шить. Цветы, цветы: настурции, розеда, горошек, мочная фиалка, табак, лавон, пионы, золотые пальмы — и все это тянется к ней, ласкаться, тянетесь в ладони прохладными, влажными от росы и пружинящими венчиками.

«Спасибо отцу! не пожалела, посылала лампочку, освещая всю эту красоту! — Веди и он сам, и мать, и бабка — все спят давно, и никому бы им вроде это сейчас, а нет же, пусть сияют, пленяют, сеятся цветы, ни для кого, просто так. И пока есть на свете такая ночная отрада, тишина и ленивое покачивание мягко-хрупких стеблей, человек счастлив.»

А шаги? Нет, теперь шаги заливают вдalle. Только слышно, как цветы живут, дышат...

II

Утро началось, как обычно. Долго кашляла бабушка: фиброз, умоляясь на веранде, отец: шелепил стояненные туфли матери, собирающей на стол. Глаза открывались не хотелись.

— Ладька! — негромко прикрикнула отец.

— Да пустую ее: сегодня воскресенье, — сказала мать.

Ольга вставала, и зевая, врубахе, босиком, на крыльцо. Отец уже был во дворе. Большую часть своей жизни он проводил именно не дома, а во дворе. Он всегда находил себе там работу. Сейчас рассчитывал ягоды, отец прокладывал в нем в прихожке части от своего мотоцикла. «Это было уже когда-то! — подумала Ольга, — чуть влажные и уже нагретые утренним солнцем, выплытыми материей ступени крыльца и этот приятный холодающий ветерок: на голых плечах, и отец с мотоциклом, и рядом блестящих ягод на мешке». Так она стала и не жалась, разглядывая золотистый пушок из загорелых руках.

— Бессидиц! — крикнула.

Ольга повернулась и вошла в темный после слемешного солнца дом. Вдруг подумалось: «А вот этого не было — чтоб отец называл бесстидицей за то, что вышла в рубашке!»

Она увидела себя со стороны, и склонилась, и жуче обрадовалась, склоняя не зная чому. И сейчас же вспомнила вчерашние шаги в темноте. Синие синевы звучали в ее ушах: ту, ту...

— Завтрактай! — сказала мать.

Остывает все.

Ольга как будто и не смыкала. Она прошла к себе за перегородку и стала одеваться. Надела вчерашнее белое платье и босоножки, расщепила светлые кудри и взглянула на свою пушистую, как оду-

ванчик, голову в зеркало. На носу проштупило еще несколько зеленых щепок — вот этой определено не было вчера.

— Ладька, завтрактай! — крикнула мать. — Наказание мне с вами! Отец, бросай все: карточки стыдне!

Наконец сошлись все: бабушка Фея, высокая, бессловесная, в коричневом старом платке, в сизо-фиолетовой застиранной футболке и новой скромной юбке; отец, черноволосый, с густыми, наисмешными бровями, здоровым красивым лицом и рядом с ним — особенно бледная мать, вечно измечтавшая и будущее смолоду привлекавшая бескосточными мелкими горестями и заботами.

Если картошки, котлеты, соленые огурцы, простокваша, мед, моченые яблочки. Мать зорко следила за тем, чтобы не пустовали тарелки. Чуть что — вскочит, подложит еще. А Ольге есть не хотелось. Она жалела, что сегодня воскресенье и не надо ехать в город. Куда девать день?

Все утро она бродила по двору как неприкаянная. Неможко поползла грядки; потом присела бабушке, сказала: «Ишь вылезла, погады-ка, что с плащем сотворил! Написаны на них?» И прогнала. Мама пасла коз на дальних сторонах. Ольга пошла к ним по дорогам, спотыкаясь с китайскими занавесками. Слонкой выдернула из грядки какого-то пижона в клетчатой рубашке на вышитые, но смутные, когда девушка в серых коротких брючках, колодно смотревшие ее всю, сказала ей: «А ведь что тебе есть!» И мама простила:

— Иди передохни. Стадно от людей: ходишь, как чучело, плачье все в пятнах.

Отец чистил сары, потом привыкался ладить скамью. Ольга приподняла руку, подала ему молоток.

— Чего ты? — сказала отец. — Иди откладай.

Задом от отца с матерью обсуждали, стоит ли ездить в город проходить прием. Отец говорил:

— Идет, на шестьсот рублей, не меньше. Алакир тутбум оправдывался. А нет — костюмчик.

А матя отвечала:

— Когда миэ? Дай бог, с коровой и с огородом управиться. Бабушка большая совсем.

Бабушка кивала:

— Ноги одолеют.

Отец ворчал:

— И в прошлом году и в этом цветы пропадают. Вон герань распустилась... Станешь на вокзал. Сразу корзину пропада.

Мать возражала ему:

— А бывает туда-сюда? Да и сам

ты любишь выйти подышать. Жалко срезать этакую красоту!

Тут и Ольга вступилась:

— Пусть стоят. Не надо мне тут-фель.

— «Не надо, не надо!» — хмурился отец. — Знаешь, что все равно бы туфли будут. Лакировки твои, я смотрел, потрескались. Вида никакого. И костюмчик к осени не мешало бы.

Ольга представила себя в сером костюме, мысленно примерила к нему несколько шарфиков разных расцветок и вздохнула: вспомнила, как раньше, здорово красились лицом и рядом с ним — особенно бледная мать, вечно измечтавшая и будущее смолоду привлекавшая бескосточными мелкими горестями и заботами.

— Ничего мне не надо, — сказала она. — Пусть будут лучше цветы в саду.

После обеда Ольга легла на раскладушку под деревом. Кужжали птицы, шелестели листья над головой. Самшит было, как что-то снова мастерил в сараичике отец. Мать три раза сходила к колоду, принесла на коромысле и вымыла в кадушку шесть ведер воды. Бабушка молча сидела в грядках, потом, разогнувшись, понесла в передвижке траву в сарай.

Ольга то дремала, то вновь просыпалась и глядела сквозь ресницы на небо и зелень. Трудно было шевелнуть пальцем, также было трудно уснуть, так, чтобы чувствовать постоянное к себе уважение — теперь она не могла бы и представить, что пойдет снова сдавать экзамены. Теперь казалось еще страшнее.

И вот Ольга лежала и утешала сама себя: «Что человеку надо? А ведь если человек нуждается в утешении, значит, он несчастлив, не правда ли? Если человек уверяет себя, что у него все есть, значит, что-то не хватает человеку? Чего же? Не турбел же, в самом-то деле?»

Ольга вскочила.

— Алька, чего вздумала, бал-мутная? Когда вернемся-то? И автобус сюда не ходят, забыла? — рассердилась мать.

Отец поднял голову, когда она прошмыгнула мимо.

— Сезону взяла? — крикнула она.

— Жалобно заскрипела за ее спиной калитка.

ным человеком, как вот дачники вокруг. Для этого и деньги кончились в доме, для этого и корова, и поросенок, и огород, и яблони, и цветы, и все пристроенки во дворе — все, все. Мать же регуля Ольгу просто для порядка, потому что так положено, потому что сказала, как только так положено, мать иссяк. Ольга неизменно поднималась в бальное, чтобы поддаваться к музыке. Вообще же, если сказать честно, ей бы хотелось, чтобы Ольга поскорее устроилась на какую-нибудь «чистую» работу и приносила домой в добавление к тем воспоминкам рублем, которые получала плотник-отец, еще каких-нибудь пять-шесть сотен.

И вот Ольга на «чистой» работе, в коттедже. Приносит домой в одну полузукву семидесять четырех рублей, во вторую — круглых три сотенки. Все в доме притихло. Отец и не знал бы, чтобы она попытала счастья еще раз. Он сердился на Ольгу.

Ольга выбросила с мечтой о высшем образовании и с детства не помышляла для себя иной судьбы, как учиться. Учиться, конечно (если разрешат в кадушке), а потом работать где-то, там, чтобы чувствовать постоянное к себе уважение — теперь она не могла бы и представить, что пойдет снова сдавать экзамены. Теперь казалось еще страшнее.

И вот она лежала и утешала сама себя: «Что человеку надо? А ведь если человек нуждается в утешении, значит, он несчастлив, не правда ли? Если человек уверяет себя, что у него все есть, значит, что-то не хватает человеку? Чего же? Не турбел же, в самом-то деле?»

Ольга вскочила.

— Алька, чего вздумала, бал-мутная? Когда вернемся-то? И автобус сюда не ходят, забыла? — рассердилась мать.

Отец поднял голову, когда она прошмыгнула мимо.

— Сезону взяла? — крикнула она.

— Жалобно заскрипела за ее спиной калитка.

III

Полчаса Ольга зевала с вокзала своим новым подругам по работе. Истриятиком все пытались вспомнить, но никого не застала дома. Чувство одиночества, как никогда еще в жизни, охватило ее. «Что же это? Все куда-то пошли, значит, все точно знают, что им нужно сделаем, как задумали». Тогда ворвалась с подругой к этой приехавшей из Магадана школьной товарищей, Тони, конечно, свидание, Маринка в консерватории: она любит

музыку... А что я люблю? Кто мой друг? Чего мне надо?

Она вышла из прохладной табаком и дезинфекцией телефонной будки.

«Почему я всегда одна?» — с досадой думала Ольга. Девушки, с которыми они вместе работали, нравились ей. Они были веселы и дружелюбны. У каждой были свои интересы. Они непринужденно говорили о них вслух. Ольга так не могла. Не умела делиться личным, скованным. Да и что у нее было за душой?

Одна рассказывала о неудачном свидании, и ее бурно восхищали. Другая жаловалась: «Не выспалась, приходится заниматься по ночам». Ее бранили: «Вот запустила звонок, накопила хвостов». Мы тебя предупреждали, а перед экзаменами, конечно, трудно». Слоприли о собраниях, на которых Ольга не бывала, обсуждали спектакли, каких она не видела. Принесли и Ольгу пойти с ними в кино. Однажды она вечно спешила домой. Стесец сердился, когда Ольга поздно возвращалась из Москвы.

Ей казалось, все горе в том, что она живет далеко за городом. Но это было прежде, когда она училась в Духовской детской школе, у нее было много подруг? Кней почему-то не любили ходить. Ольга вспомнила, как однажды позвала к себе Нину Соколову, и они сидя на скамейке в саду, читали вслух стихи Лермонтова. Ольга нарисовала вишен и угостила Нину. Это замели отец и мать. Они были здесь же, в саду, и ничего тогда не сказали. А вечером мама, поглядывая на хмуро молчавшего отца, упрекала Ольгу:

— Мне виноват жаждо, но что же, они так и покоятся нам ходить?

Бе с адвоката тяготила замкнутость ее семьи. Отец и мать ни к кому не ходили в гости и к себе не звали. Только старшая сестра Ольга с сыном приезжала иногда из Рязанов. Но разве это были гости? Ольге не нравился жесткий и тесный семейный уклад, но за долгие годы она привыкла ему подчиняться. Она не только отца, она всех домашних сегодня удивляла, когда внезапно сорвалась и помчалась в Москву.

Ольга спустилась в метро. Здесь, как всегда, царила непрекращаемая определенность. Каждая мелочь словно бы твердила: «Видишь, как все просто, размеренно и точно!» Ольга прокрутила несколько поездов, как в забытьи, садясь туда, на заспокойное чудо, в котором, через каждые пять секунд одна за другой по ходу называемой стрелки зажигались лампочки. Когда на циферблатах вспыхивало римское «два», можно было с уверенностью сказать, что из-за поворота сейчас выбирется нарастающий гул поездов. Потом снова гасли лампочки на часах, зеленый свет в туннеле сменился красным, а через две минуты — опять зеленый свет и гул за спиной.

«Пропадаешь, — думала Ольга. — Так жить нельзя».

Она села в поезд и поехала к Арабту. На площади увидела в сквере длинный ряд женщин с букетами в руках.

— А ну, кто забыл купить? — Флоксы, флоксы...

СТИХИ

Тамары Жирмунской

Говоря о стихах Жирмунской, хочется отметить ее прядное качество — мимикцию, блеск юной доброты, любви и ласк, жизненность. Особенность ее поэзии — это ее глубина, свойственные ей выражения, свойственные поэзии Жирмунской. Да, поэтесса начиналась с любови.

Не буду подробно останавливаться на стихотворении «Жирмунская». Стих ее внешне прост, но он емок, тонок и чист. Еще неизвестная собственная интонация этого поэта, бывающая иногда в других ее произведениях, это требует преодоления, еще большей веры в себя. Но стихи Жирмунской и в дальнейшем не будут отличаться от этого стихотворения: ухмылки и сломноштук.

Творческое счастье Жирмунской в другом: она получила ее от жизни.

Углубилась в жизнь, расширила свою занятость,

всегда находила в ней интересы и эмоциональность,

Жирмунская должна актично и уверенно работать в нашей поэзии.

Ничем такого я не встречу, Хоть слезами горькими давис...

Но лежат мне лагери кавструч, С матками, запутанными в снегах, Ловят солнце висячие трубы, Сынья мое их зов издалека. Строгие мальчишеские тубы Лиши трубы касаются ножа.

СЫН

Почерневла старая скамья, Потухла машина хата... Здесь живет обычная семья Без вести пропавшего солдата.

Бегает дворняга, хвост поджав, Куры верещат у огорода. Примерз юноша пиджак, Весь пропахший сыростью комодом.

Сделает три медленных шага: Горница.

Прихожая. Задворки. И найдет в кармане пиджака Горста отцовской высокой махорки.

Он закурит желтую махру, Сразу станет взрослым, деловитым. И пойдет по тестову двору К матери склоненной над корытом.

Отхищут собаки: не скучи! Отвернись, юный и лобастый. Мать тихонько скажет: «Не кури! Дурачок, успеется. Не хвастай».

А потом раскурившая горсть Зашевмит ей горло сладким дымом, Будто бы вернулся жданный гость, Тот,

кого звали она любимым.

ВОЖАТАЯ

Я с ног валилась, и считала
Свои оставшиеся дни —
Недоставала одежда,
Панамы, ложки, простыни.

Стреляли спичечные пушки,
Ботинки пылью по реке,
Умыло деревенские алычки
В туман ребячим кулачком...

Я засыпал на скамейке,
Хотелось пить, хотелось пить,
И не могла сухие веки
От слез недавних разлентить.

Я не могла напаршить тапок,
Я шла босая наугад,
Вдыхая сонный, теплый запах
Утомившихся ребят.

Потом смотрела, как за рамой
Заря цвела среди ветвей,
И вдруг себе казалась мамой
Всех этих трудных сыновей.

И все проходило: я:
Лягушки,
Страницы вываренных стихов
И спрятанные под подушки
Буденовки из лопухов.

* * *

Милый мой гайдаровский мальчишка!
Поздно.

Невозможно.

Решено.

Оставайся в лучших детских книжках,
Мюнх перечитанных давно,

Тем, что гордо щурится спросонок,
Набирая взглядом высоту,
Дерзким,
презирающим девчонок,
Если говорить начистоту.

Нарадись разбойником и лешим,
Объявя кому-нибудь войну,
Но и будь виноват подгреблевшим
И влюбленным в девушки одну.

Как же я забыла:

Ладинки такот,
Сучья распрымляя весной,
И мальчишки быстро вырастают,
Вовсе не советуюсь со мной.

Я знаю эту улицу.
В потымах
Найду твой дом,
с закрытыми глазами.
Я знаю все рекламы на домух,
так, что могу сдавать по ним экзамены:

«Смотрите! «Сестры!»,
«Пейте молоко!»,
«Храните сбережения в сберкасс!»...

Мне потому так ясно и легко,
Что я могу первуюсь воссюси.

Твой дом еще не рядом.
Я вернусь.
Меня никто не тянет на аркане.
Я знаю все витрины наизусть:
«Игрушки», «Кинги», «Шелковые ткани».

Твой дом гораздо ближе.
Сток окон
Сперкают, как яички в желтых сотах,
Ребячий смеял летит со всех сторон.
Мне нечего раздумывать.

В воротах

Стоять нельзя.
У многих на виду
Пересекают двор, как по канату.
Кому какое дело!

Я нау.
Быть может, не к любому, а к брату.

К подруге, может быть, или к врачу.
Кому какое дело!

Я стучу...

И мать твоя распахивает дверь:
Пожалуйста! Он кашает. Он дома.

Ей тоже было двадцать... а теперь
Ей шестьдесят; —
Ей все давно знакомо.

ИЗОТОПЫ

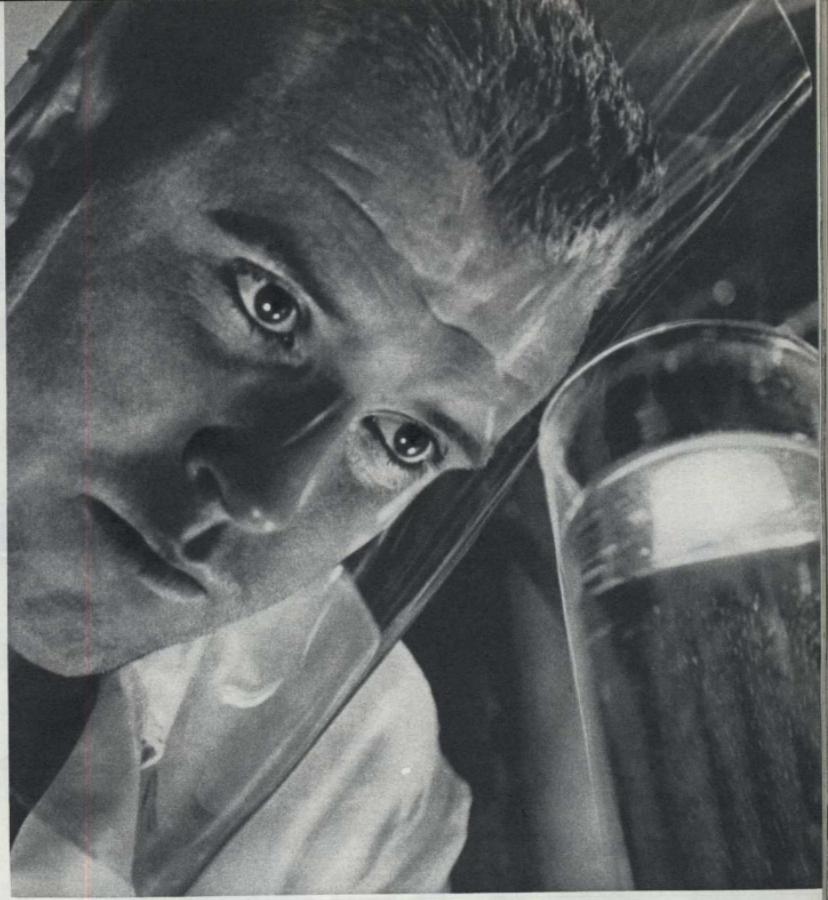

Фото В. Синкка.

Мы приглашаем вас совершить сегодня экскурсию на кафедру радиохимии химического факультета МГУ. Ведущий экскурсию руководитель кафедры доктор химических наук, профессор Андрей Николаевич Несмеянов.

О существование атомов, имеющих одинаковый заряд ядра, но разную массу, стало известно ученым в 1910 году тавиные атомы получили название «изотопы». Это означает, что атомы с одинаковым зарядом ядра входят перед научной широкие возможности. Мы можем получать соединения, которых ранее не существовало в природе. Работа эта имеет боль-

шое значение для народного хозяйства и занимает одно из ведущих мест в научных исследованиях нашей кафедры.

Научившись искусственно, с помощью ядерных реакторов получать изотопы различных химических элементов, ученые заинтересовались химическими реагентами радиоизотопов, с окружающими веществами, протекающими в момент облучения ядерных материалов. Такая область радиохимии получила название химии «горячих» ядер. И это слово означает перед научной широкие возможности. Мы можем получать соединения, которых ранее не существовало в природе. Работа эта имеет боль-

шое значение для народного хозяйства и занимает одно из ведущих мест в научных исследованиях нашей кафедры.

Многие процессы не только в химии, но и в физике, биологии, микробиологии, экологии изучаются с помощью метода мечевых атомов. Вы, наше члены слушали о том, каким путем в необычных количествах.

Зналимы, надо высчитать действие на организм каждого изотопа. Чем больше атомов «метят» радиоактивным изотопом и затем вводят в организм, тем выше риск привести за распространением, а следовательно, и за действием вещества на организм. Но если атомы, где бы они ни находились, дают о себе знать радиоактивностью.

Этот метод находит все большее применение в науке и практике. И если он приоказывает неоценимую услугу в поисках сверхпрочных

материалов, способных переносить и большие механические нагрузки и высокие температуры. Например, полученные при измерении скорости испарения металлов при высокой температуре, позволяют, при создании сплавов для режущих инструментов, ядерных реакторов.

Здесь рассказано лишь о некоторых эпизодах научных изысканий, ведущихся на кафедре. Скажем недавно слово «изотопы» вошло за пределы словаря ученых. Теперь это слово обиходными настолько, что красуется даже на вывеске газеты на Тверской улице — «Изотопы». И мы, ученые, работающие над проблемами изотопов, искренне надеемся, что слова нашего труда все шире входят в жизнь, помогают людям, которые, управляем природы, управлять производственными процессами.

Под руководством ассистента кафедры радиохимии Игоря Мелихова студенты Владимир Минулаев из Чехословакии и Герц Энкфрид из ГДР наблюдают за выделением радиоактивных изотопов на кристаллаже.

Бон в бок работают над изучением свойств радиоактивных изотопов старший лаборант Владимир Иваненков и аспирант Цю Сю-си — аспирант из Китайской Народной Республики. На химическом факультете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова учится и работает много студентов, аспирантов и стажеров из разных стран мира.

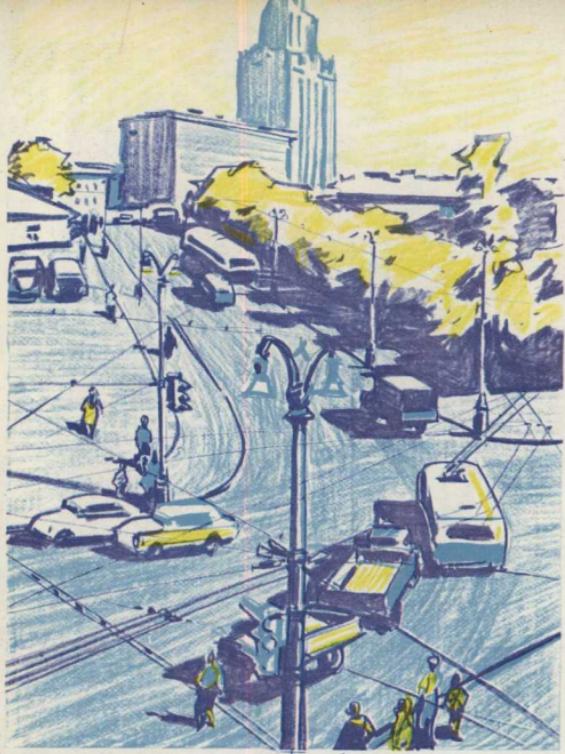

В природе чаще всего существуют чистые изотопы, а их смеси. Разделить их, получить в чистом виде — дело весьма сложное.

Это установка по разделению бора, созданная совместно с группой под руководством Георгия Митрофановича Панченкова. На фото справа отмечает один из ее конструкто-ров, старший инженер ла-боратории Александр Ма-каров.

ГЛАЗАМИ
МОЛОДЫХ
ХУДОЖНИКОВ

Н. Ермолов. Новая Москва.

**МИР,
В КОТОРОМ
МЫ
ХОТИМ
ЖИТЬ**

В. САЖИН

Город солнца

Э тот город вы не найдете на карте, хотя он и будет носить популярное в наше время имя — Братск. Как известно, нынешний Братск останется на дне морского: его затопят воды Ангары. Там, у Падунского порога, возведутся сейчас гигантская гидроэлектростанция. Она назовет жизнь огромным и богатым район Сибири, расположенный к северо-западу от Иркутска. Разовьется ручеек утомленной промышленностью в болотах, электрометаллургический завод, несколько деревообрабатывающих комбинатов. Преобразятся бывшие до недавних пор сибирскими захолустями Таймыр, Тулун, Зима. От них сохранятся лишь старые названия.

Каким же он будет, новый Братск, город, существующий пока только в воображении архитекторов и инженеров, на их планах и чертежах, в расчетах и пояснительных записках?

Но прежде отвлечемся на минуточку. Чтобы лучше понять будущее, оценить его, обернемся назад, вспомним, каким стремились стать люди.

Каждый человек, даже простой крестьянин, который испыкан веков сам себе строил дом, был в какой-то мере зодчим. В меру таланта и средств он благоустраивал свой дом, украшал его, делал удобным и для жилья и для ведения хозяйства. И даже место для постройки он старался выбирать выгоднее и красивее. Иными словами, всякому человеку свойственно не только мечтать о лучшем будущем, но и строить его, не только в идеях, но и обставляя деталями быта. Все должно быть красиво и удобно, недорого и изящно, все должно быть практично, одной целью служить всем людям. Казалось бы, что против этого может не мешать осуществление столь приятной мысли?

Но почему же тогда старые города такие тесные, почему дома в них стоят, прижавшись друг к другу, будто хотят укрыть своих жильцов от солнечного света в каменных ущельях улиц и колодах проходов, лишить их зелени и воздуха? Почему проекты крупнейших зодчих мира, вложившие самые гуманные идеи градостроительства, оставались лишь мечтой чисто-технической, но далеком и несбыточном? Почему остаются и будут запрещенные именем «лучезарных городов» полные света и зелени, воздуха и здоровья?

Ответ на эти вопросы мы находим в конфликте между устремлениями простых людей и общественными и экономическими отношениями, в несправедливости общественного устройства капиталистического мира, где властствуют принципы частной собственности, где каждый стремится повысить застроить прилежащими ему участками земли.

Мечта о «городе солнца» может быть осуществлена лишь в государстве, где все принадлежит народу, где сила превыше капиталистической силы денег; все для человека, все во имя его блага. И нужно ли много говорить о грандиозном размахе жилищного строительства в нашей стране, если чуть ли не каждый советский человек так

или иначе ощущает на себе ту энергию, с которой партия решает жилищную проблему. Вот только одна красноречивая цифра: в этом году города и поселки нашей страны получают каждую минуту пять новых квартир!

Но вернемся на берега Ангары, где строители Братской ГЭС уже укладывают бетон в здание электростанции. Архитекторы выбрали место для нового Братска подле самой ГЭС, а в тридцати километрах южнее, на холмистом западном берегу будущего водохранилища, около Ильинского затона. Здесь будет возведен комплекс лесопромышленных предприятий — деревообрабатывающих, мебельных и домостроительных заводов, цехов лозовых и бумажных комбинатов. Рабочие с семьями и будут составлять основное статистическое население нового Братска.

Давайте совершим воображаемую прогулку по улицам будущего города, из автобуса выйдем к архитектору И. Гроховскому, взялся бы нашим экскурсоводом. Сейчас на центральной площади только начинают разворачиваться работы. Поэтому нам придется пущаться по планам и макетам, расставленным и развернутым в мастерской № 6 Государственного института проектирования городов.

Жителей старых промышленных городов часто приходится мыслить, плавающим на заводских трубах. В Братске же воздух будет исключительно чистым и свежим. Жилые кварталы города будут отделены от его промышленного ядра широкими зелеными зонами, зеленой шириной более двух километров. «Полосой здоровья» называют ее архитекторы и проектировщики нового города.

Но может быть, рабочим будет трудно добираться на работу? Нет. Заводы с городом сляжут электрифицированная железная дорога. Какихнибудь 20—30 минут потребуется ежедневно на то, чтобы добираться до заводов и обратно. До деревообрабатывающих предприятий, расположенных ближе, протянутся трамвайные линии.

Надо сказать, что забота о создании здорового города, с чистым воздухом и массой зелени была одной из важных целей архитекторов. И это не случайно. Для проектировщиков: соединство леса и огромного водосбора, который по праву обязано называться морем, помогло осуществлению замысла.

Центральные площади Братска обединят большой бульвар. Здесь расположились городские учреждения: Дом советов, театр, гостиница, универсальные магазины и другие здания. Фасады Дома советов и театра привлекательны своей простотой и лаконичностью. Они свободны от помпезных колоннад и пищущих лепниных фасадов, свойственных для общественных зданий постройки неизвестных лет.

Следует заметить, что и жилые корпуса города прекрасно обходятся без декоративных украшений, называемых «архитектурными или плиастичными». Простые, светлые здания с большими окнами, которые благодаря новой конструкции рам пропускают в комнаты много света. Если внимательно приглядеться, то можно заметить, что жилые дома выполнены по одним и тем же типовым чертежам.

Однако облик улиц и площадей от этого никакого не пострадал. Планировка кварталов организована так умело, что нескользко типов домов, чередуясь между собой, создают впечатление разнообразия. К этому надо добавить и яркую окраску домов и отдельных деталей, зелень, обильно декорирующую улицы и дворы.

Кстати о дворах. В привычном понимании дворов в Братске вообще нет. За домами, внутри кварталов, разместились большие скверы, детские и спортивные площадки, небольшие бассейны и пруды. Здесь же — детские сады и ясли, школы. И здесь кое-что маленькие хозяйствственные постройки коммунального характера и гаражи.

Планировщики побоялись, и о других нуждах будущего города, и о том, каким образом избежать их бы таким образом, чтобы он не был обнубой, чтобы у человека оставалось как можно больше досуга. Не говоря уж о том, что квартиры (в каждой семье получит отдельную квартиру из расчета по двенадцати квадратных метров на человека) будут оборудованы всеми видами современных удобств — таких, как газовая, в последствии и электрическая кухня, ванна, горячее водоснабжение, — в городе будет достаточное количество прачечных, столовых, магазинов, кинотеатров и библиотек.

Было время, когда архитекторы видели главную свою задачу в создании красивого обличия города, в том, чтобы всякий архитектурная сторона проектов. Они много думали, как украсить фасады зданий, как обстроить площадь, чтобы она выглядела торжественно, величественно или, наоборот, нитинко, спокойно (в зависимости от того, какой задумана эта площадь), и, чутка ли не совсем упуская из виду, казалось бы, простые житейские, но очень важные для будущих горожан потребности.

Сейчас обыкновенные архитекторы их задачи: строите не только красиво, но удобно и дешево, думайте, забывайте о нуждах людей.

Авторов проекта нового Братска волновала не только красота его будущего обличия. Они много думали и над такими деталями: сколько времени потребуется хозяйке, чтобы отнести белое в стирку или сходить в продовольственные магазины, сколько потребуется времени, чтобы дойти до автобусной остановки и доехать до работы? Иными словами, архитекторы выступают и как забытые землевладельцы города, ответственные за вкусы будущих его обитателей и за их быт.

Надо заметить, что потрошности, напоминавшие вспышки, бури и грозы, были особенно типичны для Братска. Будут самые разнообразные. Ведь сюда следут люди и из больших современных городов и из маленьких поселков и деревень. Сибиряки поселятся рядом с людьми, выросшими в европейской части нашей страны. Единственно, в чем не будет особого расхождения, — это в возрасте.

Мне вспоминается Ангарск, каким он был пять лет назад. Помните, первое, что бросилось в глаза приезжему человеку, — моло-

Так будет выглядеть центральный район города.

достоинства города и его жителей. На улицах не было встретить стариков. И было очень мало школьников. Зато огромное количество младенцев и молодых людей, начинавших самостоятельную жизнь.

Таким же молодым представляется и Братск.

Один из трех районов города, расположенный в западной его части, будет застроен одноэтажными индивидуальными коттеджами с небольшими участками для садов. Дома для этого района будут собираться из деталей, изготовленных здесь же, в Братске, на доростроительном комбинате.

Центральный район, составляющий как бы фасад города, будет иметь трех-пятиэтажные здания, которые будут хордами, щитами с судов, плывущих по водоканалу. От центрального района на пологом спуске к Братскому морю раскинется парк со стадионом и водными станциями на берегу.

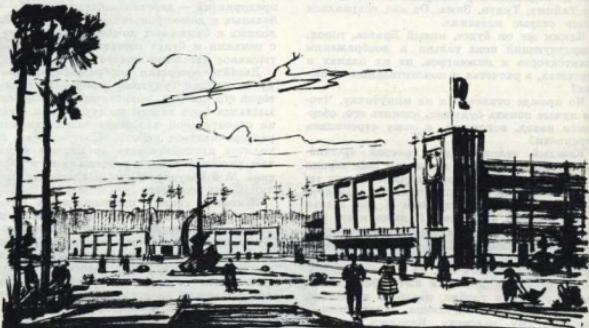
Представьте себе картину, открывающую сквозь большой квадрат окна вашей квартиры. Внизу по склонам и овражкам расстиляется огромный парк: преображенский тяжелый парк с вековыми хвойными и лиственными деревьями. А дальше — широкая водаца гладь. Трепетные паруса, то набирая ветер, накрывают яхты и чистят их в стремительном парении. А дальше — и паруса на мгновение застывают... А на горизонте где-то виднеются холмы, покрытые нетронутой, изумительно красивой тайгой...

Мы рассказали вам лишь об одном городе, об одном эпизоде великого плана преобразования нашей Родины. А ведь таких городов с каждым годом будет появляться все больше и больше на необъятных просторах Советской страны...

Сколько их??

В Москве на выставке по градостроительству можно увидеть любопытную карту. Она сделана из бисера и пуговиц. И на ней — словно кто город рассказал — вились шаринки новостроек. Их масса. И это все города, которые появятся в ближайшие годы! Их построят энтузиасты — мечтатели и строители.

И в любом из них будет воплощена вечночная мечта зодчих о городе солнца, городе света и здоровья, городе для человека.

По нашей просьбе один из авторов проекта, архитектор Х. Бутусов, нарисовал вид площади в одном из районов и набережной танцами, какими они будут в новом городе.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЛЮДЯМ

К 75-летию со дня рождения Я. М. Свердлова

«МАЛЫШ»

Стояла поздняя осень. Смешивались с грязью первые снегопады. Переезжали через Оку еще не работала. Но, несмотря на это, из разных концов Нижнего Новгорода на вокзал спешили рабочие, студенты, гимнастисты, Максимилиан Горький, и любители писательства, царская полиция высыпала из родного города.

По первому изреволюционным песням двинжалась большая толпа. Впереди — высокая ходущая фигура Горького. Толпа гудела, волновалась... И вдруг разнесся сильный юношеский голос:

— Да здравствует Максим Горький! Да здравствует свободное слово! Да погибнет деспотизм!

Это был голос Якова Свердлова.

— Урал — землемер, сорванин,

3 декабря Свердлов арестован. Так состоялось боецкое крещение.

Не прошло и года, как за участие в демонстрации монгольградский губернатор снова

приказал посадить Якова в тюрьму.

Осуществить это предписание удалось не сразу. Юный революционер, известный в окрестах под кличкой «Малыш», уже имел немалый опыт конспирации. Скрылся от полиции, он продолжал в Нижнем и Сормове подпольную работу.

«ДАВАТЬ ПОКАЗАНИЯ ОТКАЗЫВАЮСЬ»

8 1903 году, после II съезда партии, Свердлов без колебаний вошел в оформившуюся к тому времени в Нижнем крепкую группу большевиков-ленинцев. ЦК партии послал его уполномоченным на Урал, где он развел кипучую деятельность по объединению большевистских организаций.

В июне 1906 года жандармы в седьмой раз арестовывают Свердлова. В ответ на все вопросы, членам почетной записи в александровской тюрьме было написано: «Давать показания отказываюсь». Яков Свердлов.

Около трех с половиной лет провел Свердлов в тюрьмах. А через два месяца после освобождения снова был арестован — на этот раз в Москве.

В 1912 году Свердлов — в далекой Нарымской ссылке. В это время в Праге проходила историческая конференция большевиков. На ней Яков Михайлович зажег горючие опровергли в члены ЦК и избрали в Русское бюро ЦК. Узнав об этом, Свердлов со всей присущей ему страстью решил убежать из ссылки.

ПОБЕГ

В темную сибирскую ночь, когда пароход «Колпашево» давал уже третий гудок, по склонам абежжал Свердлов. Он не должен был показываться на глаза — путь до Томска. Узнать его могли легко — пустая копия черной волы, сирота под широкой шляпой, пеньки ноги. И все же местный писарь опознал Якова Михайловича.

Во время одной из остановок полиция начала обыск. Наконец в каюту первого класса стражники обнаружили спящего человека и стали будить его. Это был Свердлов. Зевая и потягиваясь, он проторил глаза кулаками и заснулся:

— Это Колпашево! Спасибо, что разбудили. Я чутко не проспал, — и, разрываясь стражников, выбежал из каюты. Как раз в это время на перроне вошли друзья Свердлова.

— Да, здравствуйте! — подошел к нему Яков Михайлович. — Представьтесь себе, я чутко было проспал Колпашево...

Он начал так громко рассказывать об этом, что стражники растерялись. Значит, этот человек и не думал бежать, а поехал в соседнее село к друзьям в гости... Однако на всякий случай его задержали.

И тут Свердлов пытался бежать.

Каждый раз полиция возвращала его и передвигала в более отдаленную местность Нарымского края. Зимой 1912 года в ссылку к Якову Михайловичу приехали жена и сын.

«Ну, теперь не побежим!» — обрадовалась нарымская полиция и ослабила надзор.

Свердлов воспользовался этим... и убежал.

В Петербурге по поручению партнека он возглавил редакцию газеты «Правда», руководил большевистской фракцией II Государственной думы. Жил нелегально. Его называли прокуратором Маньином. Но не на манер прокурора — бывшего агронома, полиция, Свердлов арестовали вместе с женой и маленьким сыном, которые только начину приехали к нему из Сибири...

В начале марта 1917 года до Свердлова, снова оказавшегося в ссылке, дошла весть о Февральской революции.

От Туруханска до ближайшего железнодорожного пункта Красноярска — 2000 километров. Добраться до него можно только по реке, а Енисей должен был вот-вот вскрыться. Но Свердлов с группой товарищей отвязился двинувшись в путь.

И двинулся, бос сна и отыха, с огромной опасностью для жизни ехали они на лошадях по льду до Красноярска. Оттуда падом в Петроград.

ЦК партии согласился с просьбой Свердлова и направил его на Урал, в Екатеринбург. Свердлов объединил уральских большевиков в единую крепкую партийную организацию.

В конце апреля они избрали его делегатом на Версийскую партийную конференцию. Сбылась давнишняя мечта Якова Михайловича — он встретился с Лениным...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЦИК

После Великой Октябрьской социалистической революции по предложению Ленина Яков Михайлович Свердлов избирается председателем Всеобщего Центрального Исполнительного Комитета.

Главное внимание партии было сосредоточено теперь на создании и укреплении Советской власти в центре и на местах. Многие наивных дел занимал Яков Михайлович. Он обладал необыкновенной работоспособностью: за день успевал столько, сколько, казалось, трудно было сделать за неделю!

Свердлов прекрасно знал людей, с необыкновенным умением угадывал наклонности и качества каждого.

Работа председателя ВЦИК, Яков Михайлович однажды был старостой ЦК партии.

На несчастье не занять, он всегда находил время, чтобы выступить на рабочих собраниях и митингах.

Под руководством Свердлова, на основе

написанной Лениным «Декларации прав трудающегося и эксплуатируемого народа», была

выработана первая Советская Конституция.

Она подписана Свердловым и утверждена В. Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года.

Когда Ленин после ранения тяжело болел, Свердлов заменил его на работе в Совнаркоме.

В те дни, — вспоминает секретарь Ленина Фотевата, — все дела по Совнаркому перешли к Якову Михайловичу Свердлову, который продолжал одновременно работать в ЦК партии и во ВЦИКе. Свердлов был единственным человеком, который хотя и короткий срок, работал в кабинете Ленина...

Я. М. Свердлов в возрасте семидесяти лет.

Много сделала Яков Михайлович для комсомола. Центральному письму ЦК партии об организации союза молодежи в ноябре 1918 года составлено им под неподставным руководством Ленина. Тогда же Свердлов написал письмо Надежде Константиновне Крупской о поддержке школы, организуемой союзом молодежи. У Якова Михайловича побывала делегация президиума первого съезда комсомола. Ее участник — поэт Александр Безыменский — рассказывает:

— Заявлялся длинный разговор о построении комсомола, его ЦК, губкомов и райкомов... Великий знаток организационных дел, Яков Михайлович, дал нам множество советов, чтобы у нас получалось вместе с нами помечтать, как за что нас покурят.

В марте 1919 года, возвращаясь с III съезда партии большевиков Украины и III Всеукраинского съезда Советов, Свердлов выступил в Орле на митинге железнодорожников. Он был в легком осеннем пальто погона. Его продуло.

Однако в первый день по приезде в Москву, уже большой, Свердлов продолжал работать.

Ночная температура поднялась у него до 40°.

...Тонкая, искудавшая рука больного вдруг постяжалась к телефону, стоявшему возле кровати.

— Владимир Ильин, Владимир Ильин... — слабо позвал больной. По-видимому, ему ответили. Он стал говорить о съезде. Через несколько секунд трубка выпала из рук, и Свердлов потерял сознание.

Как только трубку полютили на место, телефон сразу же зазвонил. Владимир Ильин подозвал доктора Соколова, старого друга Свердлова.

— Что за безобразие! — возмущался Ильин. Он говорил в телефонах, делах, затрудняет мозг. Зачем вы ему раздражаете?

На следующий день, Ленин принял налево больного. Яков Михайлович в сильнейшем возбуждении начал ему что-то рассказывать. Ленин взял его руку и тихо проговорил:

— Успите, постарайтесь заснуть... Вам будет легче...

Яков Михайлович успокоился и заснул.

Однако все старания врачей вернуть его к жизни оказались тщетными.

На похоронах Свердлова Ленин говорил:

— Мы опустягнули монумент пролетарского воинства, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы...

В народе явно будет жить память о пра-христии и самотворческой жизни Якова Михайловича Свердлова, которая служит ярким примером для молодежи.

Ф. МАЛЬСКАЯ,
Р. ОЛЕНИНА

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ О СВОИХ ТВОРЧЕСКИХ ПЛАНАХ

В этом году ряды лауреатов Ленинской премии пополнились новыми работами искусств. Среди них создатели художественного фильма «Судьба человека» С. Бондарчук и оператор В. Монахов, режиссер Р. Кармен и операторы Д. Мамедов и С. Медников, авторы цветных документальных фильмов «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорителям моря», сценарист Д. Ойстах, композитор Г. Свиридов.

Наш корреспондент побывал у С. Бондарчука, Р. Кармена, Г. Свиридова и попросил рассказать читателям журнала «Смена» о своей работе и планах на будущее.

Сергей БОНДАРЧУК

* — Нас очень взволновало, что фильм «Судьба человека» получил такую большую награду — премию, носящую имя Владимира Ильина Ленина. Фильм этот соединялся людьми различных профессий. Но мы не должны забывать, что первопричиной успеха является сама работа Михаила Александровича Шолохова, давший создателям фильма замечательную литературную основу.

Самой великой темой в искусстве наших дней для любого честного зодчего является тема борьбы за мир. Она волнует прогрессивных кинематографистов всех стран. Все лучшее, что нам удалось сделать в картине, родилось в результате стремления сказать свое слово в защиту счастья простых людей.

В этом году я по приглашению режиссера Роберто Росселлини снимался в итальянской кинокартине «В Риме была ночь». Фильм воскрешает события второй мировой войны, рассказывает о борьбе антифашистов против фашизма. В этой картине заняты актеры разных национальностей. Главные роли исполняют молодой американский актер Питер Бодуин и известный английский актер Лео Генни. Я играл в фильме роль русского солдата-танкиста.

Сейчас я вместе с тем же коллективом, который создавал фильм «Судьба человека», приступил к новой работе. Мы снимаем картину «Гранчи привлекли по роману А. Андреева. В ней рассказывается о труドном пути москвича-коммуниста, по путевке партии приехавшего на работу в колхоз и вступившего в борьбу со старыми установками.

В этом фильме снова выступаю как режиссер и как исполнитель — буду играть роли председателя колхоза «Арбенина».

Нам очень приятно рассказать о своей работе молодежи — читателям журнала «Смена». Пристально потому, что оператор Владимир Монахов и я не считаем себя стервыми. Пристально потому, что молодость всегда вливает новые силы в искусство. Очень важно, чтобы твой труд был понят молодежью, чтобы твоя работа учила каждого парня и каждую девушку жить правильно, честно, любить свое дело. До новых встреч на экране, друзья!

* — Какие интересные события и встречи были в моей творческой биографии? И событий и встреч было очень много. За свою жизнь я побывал в разных уголках мира. Но, пожалуй, самые сильные впечатления остались у меня от пребывания в странах, народы которых с оружием в руках боролись за свои права. Мне сейчас не хочется рассказывать о страшных днях, о горе и страданиях, которые приносят войны. Скажу только, что в Испании я оставил частичку своего сердца, тогда еще молодой. Для них я сохранил самые драгоценные связи с теми, кто сражался за свою свободу и независимость.

Никогда не выветрится из моей памяти и поездка в Китай, когда китайские коммунисты сражались там с японскими захватчиками. Особенно памятны нескользко ночей, которые я провел в горной лаче с руководителем китайского народа Мао Цзэдуном. Во время Великой Отечественной войны с кинокамерой я прошел от Москвы до Берлина. Тысячи километров пленки отснял в окружении Ленинграда. Снимал ставропольскую битву, штурм Берлина, разрушение знамени над Рейхстагом.

Я часто работал болт о болт с кинорепортёрами зарубежных стран. Много приходилось слышать о жестокой конкуренции в буквальном кино. Но все наши встречи были лишены какой-либо враждебности. Мы всегда старались помочь друг другу. И в недавней поездке по Индонезии, где мы сопровождали Никиту Сергеевича Хрущева, наша дружба с американскими и английскими кинорепортёрами была самой искренней, вплоть до того, что мы по очереди держали свет, чтобы каждый из нас смог отснять тот или иной кадр.

Роман КАРМЕН

Крепкая дружба связывает нас с вьетнамскими кинорепортёрами. Помню, в один из дней вьетнамской борьбы совместная съемка советского и вьетнамского фильма находилась в джунглях, в пальмовом роще. Там мы прозябали пленку своих фильмов. Я никогда не забуду вьетнамских операторов — этих герониких ребят, которые в огне, в бою создавали свою национальную кинокронику. Когда в прошлом году на кинофестивале в Москве молодые вьетнамские кинодокументалисты за свою работу получили первую премию, я за фильм «Покорители моря», который сейчас удостоен Ленинской премии, только вторую, я был искренне рад за своих талантливых коллег. Это была заслуженная победа молодой кинокроники Вьетнама.

Ну, а если говорить о будущем, то планы мои очень общирны. Хочется продолжить творческую традицию, продолжить работу, которая оправдала себя в «Повести о нефтяниках Каспия» и «Покорителях моря». Этот метод рассказа об одном небольшом коллективе людей труда. На таком материале можно делать большие обобщения, широко показывать людей сегодняшнего дня, строящих новую жизнь.

Я человек уже немолодой, но чувствую достаточный заряд бодрости и сил. Но когда оглядываешь на сделанную работу и вспоминаешь, что я провел с кино камерой лет сорок, хочется сказать, что я не хочу больше снимать страдания людей, бедства, которые приносят война. Хочется пожелать читателям «Смены»: берегите свою молодость, но не бойтесь трогать ее на большие дела. Каждый день, сполна отданый своей Родине, своему народу, приближает нас к светлым годам коммунизма.

Михаил ГОДЕНКО

Тополь

Изгиб реки. Курень. Комара.
Посел за лесополосой.
Стеной занят горит пожаром,
Пыль золота над столбовой.

У полянного огорода
Дикок стрекочет в тишине.
Телят, разбросанных у брода,
Пастух гуттует на коне.

Туман пополз по берегу,
Болотной тинью занял.
В селе залакам собаки,
Блеснули звезды на столях.

Идут вечера у порогов,
Высок на трубами дымы...
Сквозь па берегу отлогом,
Сосиски забыли про поплавки.

Смотрю на травостой колючий,
На передали раних рос,
На тополь... Он, изъяд на кручу,
Навеки в эту землю врос.

Ты проста

Ты проста. И этой простотою
Незаметно за душу берешь...
Смуглолатой тонкою руково
Мои ложки,
Часыши тусклый нож.

Сия слов хорошие наряды
И колечко малое свое,
Варинка борд без лени и досады
И спрашива мужчины беды.

Не днеи половникам покоя,
Вытрясаешь волки и кровать,
Не боишься триной половю
Краинные ногти обломать.

На коленях дочкины штанышки
И гора запотных чулок.
Замираешь допоздна над книжкой,
Отыскав уютный уголок.

На заре, одета со старышем,
С нами ты пропинись любя.
После смены у тебя собранье —
Ужинши снома без тебе.

По ракитам раннею порою
Пробегает лиственная дрожь.
Ты проста.
И этой простотою
Все склоннее да душу берешь.

Георгий СВИРИДОВ

* — Многие полагают, будто стихи Владимира Маяковского не ложатся на музуку, — говорит Георгий Васильевич Свиридов. — Признаюсь, раньше я тоже был уверен в этом. Но когда в 1956 году я задумал свою «Платетическую ораторию» и приступил к работе над нею, то вскоре понял свое заблуждение. Читая и перечитывая Маяковского, я все больше и большечувствовал музыкальность его строк. Потому-то его стихи и легли в основу моей «Платетической оратории», над которой я работал около трех лет. Это было время напряженного труда. Не зучившаяся скрипка, я знал заранее, что получится в итоге. Казалось, поэзия Маяковского жила во мне. Может быть, поэтому я сочинял музыку не только дома, но и в метро, на улице, ночью. И вот первое исполнение, «Оратория». Это случилось 15 октября 1959 года в Ленинграде.

Георгий Васильевич достает и показывает нам пачку писем. Пишут композиторы люди разных профессий, разного возраста, из самых различных городов. И по тому, с какой теплотой и искрен-

ностью написаны эти письма, можно судить, что новая работа композитора завоевала любовь, получила заслуженное признание. Но все это пришло не сразу...

Родился Георгий Свиридов в Курске. Здесь он провел свое детство, окончил музыкальную школу, стал учеником музыкальной колледжи и в 1937 году поступил в консерваторию. Учителем ему стал Дмитрий Шостакович.

Начавшаяся Великая Отечественная война заставила молодого композитора за работой над музыкой к комедии «Раскинулось море широко».

Первый заслуженный успех пришел позже — в 1946 году, когда Свиридов, закончив «Фольклорное трио», было удостоено Стальной медали первой степени. К этому времени он был уже автором двух симфоний, фортепианного концерта, романсов. Им были написаны оперетта «Огоньки» и музыка к нескольким кинофильмам.

В 1949 году Георгий Свиридов обратился к поэзии армянского поэта-классика Аветика Исаакяна. В творчестве Исаакяна его привлек образ человека-героя, простого, мужественного, честного, чистого, чистого. В своей вокальной позиции «Страна отцов» композитор чутко и вдохновенно воплотил души поэта о родине, о судьбе своего народа. А через несколько лет Свиридов обратился к русским народно-эпическим мотивам, которые нашел в поэзии Сергея Есенина. Эпическая тема «поэт и Родина» переросла в тему «поэт и революция».

«Песня Памяти Сергея Есенина», которую я закончил в 1956 году, — рассказывает Георгий Васильевич — была первой частью задуманной музыкальной трилогии. В музыке не слова замечательного русского поэта мне хотелось передать величественный образ поэта-лирика, размышляющего о своих переживаниях, о своем месте в жизни, о судьбе своего народа, о Родине. Но главная тема — эпическая — героя. Эта тема перешла во вторую часть — «Платетическую ораторию». Сейчас я работаю над третьей частью, в основу которой легла поэма Александра Блока «Двенадцать».

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Ольга опустила голову и заторопилась: «Вот так бы стояла и мать...» — подумала она и представила себе шуплую материну фигурку, завернувшуюся лицаком ее бумажного пиджака, охапки цветов в ведре, в корзине и тоиньковой куклы в букетике в руке.

В «Художественной» билетов не было. Ольга беспечально ходила среди толпы.

Кинокартины можно было смотреть и дома. Отец и бабушка сейчас у телевизора. Отец полагает, что драматичеко и угар, бабушка приединилась, как всегда, к самому экрану. А матери, конечно, некогда смотреть: она доня корову, моет ведра, ставит самовар у крыльца... Ни запах сосновых шишек, ни сизый дымок из трубы, ни вечернее небо — ничего не радует мать. Она опять сидит, что-то не успела сделать, и торопится, и вскричит про себя...

Но не получается бояться. Ольга остается дома! Не усидела бы она там, не убежала. Не хотела она повторить горькой и убогой маминой жизни. Не желала мимиться с такой для себя судьбы. Человеку много надо, бесконечно много. Она чувствовала, что не хочет быть спокойной и довольной, а хочет двигаться, возмущаться, сердиться, и от этого ей было хорошо и свободно, как никогда!

Несколько часов Ольга бродила по вечерней Москве. Она придумывала то одно, то другое. Вот она уезжает далеко из Москвы, ее провожают и плачут. Но куда? На Камчатку? На Дальний Восток? Ахуха, которая работает софистом на рабоконсервном комбинате? Или просто уходит из семьи и попросить себе хойку в обожрости и посыпается там с девчатаами? Варить самой обед, по вечерам заниматься, а в выходной бегать в парк. Или такое: начать готовиться в институт, сдать экзамены?. Где же куды? Главное — выбрать специальность. Ох, как плохо никуда не стремиться, ничего не логит! Как это тяжело, безотродно!

Электричка уже уходила, когда Ольга вскочила в вагон. Там было полно народа. Она стала проходить, склонившись, спускаться со всех сторон. А когда вагон остановился, Ольга увидела ее. Он был в белом рубашке, с закатанными до локтей рукавами. Держал в руках книжку, но не читая, а смотрел на Ольгу, и улыбалась. И она улыбнулась ему.

С этой минуты она стала жадьть. Ожидание не ударило ее, наоборот. Ей хотелось, чтобы это длилось долго-долго. Пусть бы поезд проехал Духово и они бы не вышли на перрон. Пусть бы так и осталась, как есть. Она тут, он там, и электричка трухлит в ночи.

Но, конечно, об поднялись, как только поезд замедлил ход. На платформе он сел на:

Сергей или пешком.

Она ответила:

— Ну, ничего.

Он засмеялся.

— А-по-моему, это здорово.

Пробежимся по проспекту. Сейчас не жарко. Воздух хороший вечером.

Иди было приятно. Может быть, потому, что он так размечтенно, бодро шагал рядом? Мягко

мерцали звезды над головой, пахло сеном, нагретым за день, и еще не успевшим остыть землей, танули сыростью от пруда, там стонали, изнывая от скучи, от лятней истомы, аугушки, и салыши было, как за оградой лениво зевнет цепью собака... Тако и привольно было на проспекте. И все-таки даже в эту деревенскую мирную тишину врывалась иногда то тревожный звон электричек, то из-за щеточки леса на горизонте, с аэродрома, да далекий, но сотрясающий небо и землю, слышный гул самолетов.

Ольга не хотела сегодня пустых разговоров о том о сем. Она давно желала узнат этого человека, и вот сошел с ней рядом. Она спросила:

— Ты с кем живешь?

И он стал рассказывать с самого начала, с детства. Сперва скучно, самое главное, а потом все подорожнее, все живее...

Зовут Михаилом. Родился и вырос на соседском с Духовою хуторе. Отец пошел на войну и пропал без вести. Мать осталась одна с тремя ребятами.

— Однажды под вечер собрала нас мать всем трахом, замотала в пласти и повела на заброшенное место Бычково-Бычково. Колпаки мы там подсматривали из-под саней, когда жгли костры из ботвы, грелись и снова колпаки. Ботва сумаха была, горелашибко!

— Ой, ой! — вздыхала Оля сочувственно.

— А потом варуха обилья в саратовском госпитале отец. Мама поехала к нему и вернулась одна, «чистый статей», — говорит, — лежит, не шевелится, весь в гипсе, второй уже год». Не хотела и писать, сестрица потихоньку от него оповещала нас. Стало мы ждать отца домой, а он как приехал, так и умер по пути сразу. Через неделю я двинула в хут. Соседка сразу болела. Из нашего класса поступила на рабфак. Надо было помочь. Вставала в четверть пятого и бегом на станицию. Иной раз сверг, ветер, осенью дождь, темнота. Идешь все равно. Работал слаесрем на заводе, потом один дружок подбодрил меня — поступили в вечернюю, в седьмой класс. А там — в техникум машиностроительный. Утром еще ничего, а вечером в электричке невозможна как схватка хочется. Едешь и зубришь, а домой явишься — сразу с катушкой долой!

Ольга слушала и ужасалась. У нее жизнь сможилась иначе. Школьные цветы, бородок. Ольгажды племя, а не я. Это было коре в семье, но вскоре купили другую буренку. Посадили несколько фруктовых саженцев, сделали хорошую пристройку с мезонином — почти второй дом — и пустили дачников. Это был знаменитый левец с женой и дочерью — вот главные вехи в жизни Ольиной семьи. Отец на войне не был, служил, правда, полтора года в строительном батальоне. Потом вернулся. Была одна смерть: два года назад умер дедушка. Поплакали и забыли, даже бабушка Фёдрик никого не вспоминает о нем. Моя мама — она не их резу не ложилась в больницу — не могла. Была одна никого не расставалась с родителями. Впрочем, одни раз отец попробовал отправить ее в лагерь. Через две недели пришлась забрать Олю обратно: так плакала, так рыдала, ничего не могли с ней поделать. Ну, вот еще событие: в прошлом году не поступила в

институт. В этом было труднее всего приняться.

Что же ты дальше-то будешь? — спросила Михаил.

Весь день Ольга билась над этим вопросом. И, казалось бы, какое-то решение почтой накалывалось уже. Но сейчас она растерялась, испуганно прищуряла. Его вопрос звучал обидно требовательно, резко.

— По-моему... — начал Михаил, но притормозил к Ольге, увидев ее лицо и осенясь. — Впрочем, каждый сам должен. Тут никто не указ. И все-таки не мешает, чтоб кто-то впереди толкнул, под ают. Меня, например, мой дружок подтолкнул, видите? Если бы не он, и вечера бы не кончалася и техникума не видел, как своих ушей. Тут главное, чтобы вопросы подтолкнули. А когда человека одни, на отчете от всех — капут ему. Это точно.

Они уже подходили к тупицам, в глубине которого белела каланча. Здесь им надо было рассстаться. Михаилу шагать дальше, на хутор, а Ольге уже пришла. Михаилу поклонившись, она сквозь зал

— Может, зайдем? Я пожалую тебе на сад. Толко тихо.

И вот они одни в саду. Маленький садик с кустами, обломками и винишками. Планка поклонилась лампа на проволоке. На траве лежит радио, на нем отвертка, момоток — это отец, так и оставил, пусть лежит, кто тронет? Во дворе собака. Вот он, Волчок, вышел из конуры, покриветировал хозяйку и улегся снова.

— Ну и красота тут у вас! — говорила Михаила, переходя от клумб к клумбе, наклоняясь, и рассматривая, и пахла цветы. — А у нас под окнами только смородина есть да сирень один куст. С цветами кто будет возиться? Мать как заведенная. Театрлица с утра до вечера на ферме. А занавески вон и вон!.. Ты чего так смотришь?

Ольга сама не понимала, что вдруг накатило на нее. Она вспомнила к цветам, и зажимаясь хриплые, прохладные стебли обеими руками, пригнувшись рвать их.

— На, отнеси матери. Поставь на стол, на окно. Чтобы пахло в доме. Бери! — говорила Ольга, складывая ее на руки охапки влажных от росы цветов.

— Что ты? Чего ты? — шепотом спрашивала Михаила.

— Смотри, эти табаки, это левки, а это золотые шары. Я их очень люблю. Их можно сажать...

— Оля... — подала голос Михаила. — Зачем ты так?

Ольга напугалась и подобрала с земли несколько упавших золотых шаров.

— Смотри, какие крупные! — сказала она.

— А что тебе завтра будет за это?

Она тряхнула пушинистыми волосами и сказала:

— Завтра будет все другое...

— Я давно тебя приматываю, — улыбнувшись Михаил. — Я тебя замечу, когда ты еще не знала, что моя всегда едем в одном вагоне.

А мне кажется, я первая тебя замечала.

Еще вчера она бы этого не решалась сказать. Отец не одобрил бы подобной откровенности. Но теперь ей казалось не столь уж важным, что подумает отец. Она не хотела больше тащить на плечах тяжкий груз страхов, умолчания, ниверия в себя.

Журнал № 12 третья "Киселевскую шахту" Митрофану Михайлову

О РЖАВЫХ ГВОЗДЯХ

РАБОЧЕЙ ЧЕСТИ

На шахту № 12 треста «Киселевскуюшахту» меня привела заметка, опубликованная в газете «Комсомолец Кузбасса». В ней рассказывалось о персональном деле Митрофана Михайлова.

Как сообщала газета, в прошлом это был хороший парень, активный комсомолец. Но вот Михайлов оторвался от организации, перестал платить членские взносы. Собрание решило исключить Михайлова из рядов ВЛКСМ.

За скрупульными строками трудно было увидеть юного человека и понять, что

же, собственно, произошло с ним. Захотелось разобраться во всех подробностях.

Я встретилась с Митрофаном Михайловым.

Беда наша была тяжкой. При таких бедах человеку легкого выскакать откроенно все до конца. Потом я встречаюсь с товарищами Михайлова по шахте.

С тех пор я много думала о судьбе Митрофана Михайлова — двадцатичетырехлетнего парня, в сущности, только еще начинающего жить. И вот появилось это открытое письмо. Хочется, чтобы его прочел не только Михайлов...

Помнишь, Митрофан, тот день, когда вспыхнули пожар на эстакаде? Пожалуй, лучше всего начать письмо с этого маленького, но яркого эпизода.

Яростный ветер с силой раскачивал верхушки деревьев, сносил в проводах. Казалось, он пытается срывать с земли высокие терренионы. И вдруг высоко вскинулось рымчатое пламя. Горела эстакада — важнейшая магистраль, через которую каждые сутки проходило свыше трех тысяч тонн угля.

Ты бросился к эстакаде: только бы успеть, только бы спасти пламя! Ветер сковал движение, рвал стеканку, бросал в глаза угольную пыль. Ты добежал до огня и не ушел с эстакады до тех пор, пока вместе с подоспевшими на помощь шахтерами не погасил пламя.

Тогда ты был настоящим парнем. Валентина Даниловна, старший инженер горной организации шахты, считала тебя своим первым помощником во всех начинаниях. Ты писал гневные заметки на стенную газету, бичевал прогулщиков и лентецов, рисовал карикатуры, участвовал в рейдах «легкой кавалерии», стоял у дверей клуба с красной повязкой. До всего тебе было дело! Ты был живым, энергичным комсомольцем, требовательным и к себе и к товарищам.

Это было два года назад. Но вот в комитете комсомола мне говорят:

— Михайлов! Мертвая душа!

Что это — досадное недоразумение? Ошибка! Может быть, речь шла о другом Михайлове?

Нет, речь шла о тебе. Помнишь, в беседе со мной ты удивлялся:

— Что я, собственно, сделала плохого? Не хулиган. Никому в карманы не лез. В милицию не попадал.

Все это верно. Ты не вор, не пьяница, мили-

ция не имеет к тебе претензий. Но их имеют твои товарищи, с теми, кем ты каждый день спускаешься под землю, с кем возвращаешься после каждого дежурства.

Был тебе большой и верный друг Александр Горлач. Он сказал мне:

— Когда-то я гордился своей дружбой с Михайловым. Сейчас я стыжусь ее...

Почему же так произошло?

Ты закончил горнопромышленную школу, затем пошел на курсы мастеров — государство не жалело средств на твою учебу. Позже тебе повысили разряд, выдали диплом. Из простого рабочего ты стал мастером. И друзья радовались за тебя, гордились тобой.

Потом, когда ты женился, тебе захотелось обзавестись новым домом. Что же, желание вполне естественное. Тебя послали на конкурс: на земельный участок, да не денежныйсуду. Но этого тебе показалось мало. Захотелось иметь еще и садовый участок. Исполнили и это твое желание...

А ты снова был недоволен. Ты попросил комитет в новом доме и был уверен: дадут! Но тебе отказали. Были рабочие, которые нуждались в новом жилье больше, чем ты.

Тогда-то ты и стал в позу человека, которого незаслуженно обидели.

— Не дали комнаты — не буду платить членские взносы в комсомол! На эти деньги лучше куплю себе несколько компрессорных гвоздей...

Ты не откликнулся от этих слов, Михайлов! Когда эту фразу услышал Александр Горлач, он даже не поверил:

— Брось шутить!

Ты решил выскакаться до конца:

— Какая мне польза от комсомола? А гвозди на постройки дома нужны...

Вот тут-то и разглядел Горлач твоё настоящее лицо.

Да, для каждого наступает пора, когда хочется холостячкою кошку в общественном санатории. На этот раз моя монтина подняла горячим образом на собственный потеху: выстроила себе дом и тот же Александр Горлач. Но разве хлопоты по созданию своего гнезда изменили его жизненные устои, снизили его активность в общественной работе? Нет, он остался тем же веселым, общительным парнем, дружинником, активистом.

А ты?! Ты начал жить по-иному. Ржачкина, тронувшую свою душу, стала разделять ее все сильнее и сильнее. Разгоряченная со мной, ты то и дело повторяла: «я», «мы», «мы». Этим словом ты противопоставляла другим: «они», «ты» — это комсомол, шахтеры, шахтеры. У них это тоже были шахты.

Ты отшатнулась от забоя и троеколлективы, стала жить для себя. Не знаю, бросился бы ты сейчас тушить пожар или прошел бы мимо... Ты пытаешься уверить меня, что счастлив. В чем же оно, такое счастье? В том, чтобы сытно есть да спокойно спать?

Нет, не в этом счастье, Митрофан. Спроси о счастье у тех, кто поехал по путевке комсомола на целину, в далекий Норильск, на Братскую ГЭС. Предложи им — и они не поменяются с тобой местами. Они еще не имеют того уюта, какой имеешь ты, передко крышей им слукнут небо, а весь их баул легко умеется в небольшом чемодане. Но они куда более счастливы и богаче тебя! Счастье у них большое, человеческое, приходящее от сознания великой пользы труда на благо и во имя народов.

— Митя, почему ты снял красную повязку дружинника! — спросил однажды тебя товарищ.

И ты ответил:

— Потому, что это приносит мне беспокойство!

В этот фразе ты весь! У Максимилиана Горского есть слова: «Мещане хотят жить в мире со всем миром, спокойно пользуясь плодами чужого труда и всячески стараются сохранить то развеселое душо, которое они называют счастьем. Чем же отличается счастье мещанского от мещанского счастья?!

Вот и ты, Митя, мещанское счастье осталось у тебя позади, в прошлом.

Когда мы расставались, ты показал мне свой портрет, тот самый, который висел на доске почты. Показал почетную грамоту Кемеровского обкома комсомола, значок «Молодому передовику производств». Все это ты вынул из чемодана. Но почему же из чемодана? Почему слово «слава» не шагает рядом с тобой и сейчас? Чему ты рада? Чему ты гордишься? Кто в этом позион?

Мне рассказывала твоя жена:

— В тот день, когда Митя привнес с комсомольского собрания, я очень волновалась и, по правде сказать, была удивлена, когда он, сияя поузеши, спокойно, как ни в чем не бывало, сказал: «Слава!»

Да, ты безжалостно стала в ту ночь, после чего тебе наклонилися из комсомола! На следующий день ты мог пойти в комитет комсомола, в горком, доказывать, требовать нового разговора, драиться за свою честь. Ты этого не сделал. Ты отдал свой комсомольский билет с силуэтом Ильи, билет, за чистоту которого сражались и умирали герои-ленинцы трех поколений!

И еще: помнишь, когда ты ехал в горком, по дороге тебе повстречалась паренек-шахтер, которому ты давал рекомендацию в комсомол?

Меня извирался этот вопрос. Хотелось думать, что его здадут мимо другой, прежний Михайлов. Тот, который спас эстакаду, тот, которому верили, которого любили.

Но я не хочу давать тебе советы, Митрофан! О том, как поступить, пусть подскажет тебе твоя рабочая совесть. А может быть, тебе подскажут, помогут и те, кто прочтет эти строки?

Р. РОЗОВА

НА ПОЛЕ СНОВА

Недавно мне довелось побывать на матче юных футблистов на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве. Хотя об этой встрече никто не объявлял, много народа окружило футбольное поле возле бассейна для плавания.

— Кто играет?

— Футбольная школа молодежи и торпедовцев!

Ребята-футблисты заметно волновались, хотя и делали вид, что выбегают, вот так перед игрой на поле для них привычно. Они обменялись приветствиями, и к судье, как положено, подали капитаны. Игровые школы возглавляли бывшие белорусские паренек с цифрой «9» на футболке. Я не обратил особого внимания на юного капитана. Правда, он кого-то очень напоминал... Но кого?

Началась игра. И скоро, наблюдая за поведением на поле центрального нападающего школы, я будто снова встретился, пусть на короткое время, со своей юностью, ее живыми волнениями, видно, не стреющимися. Мне показалось, что на поле играет совсем молоденки из команды Григория Федотова... Ну да, тот самый болгарский глухоногий паренек, которому четверть века назад мы, мальчишки, хлопали до боли в ладонях, потому что он был наш ровесник, а умел все.

Да, этот центр нападения футбольной школы молодежи был похож на Григория Федотова в молодости. И я нисколько не удивился, услышав, что игрок под номером «9» — Володя Федотов, сын знаменитого футбlistа, капитана армянской команды. Он играл, и его отец, расчетливый и хитрый, сидел на скамейке и слушал — федотовский!

Быт оловко обманул центрального защитника и вышел один на один с вратарем... Удар?! Можно поступить и

так... Но он не хочет рисковать, не хочет прямолинейного и сомнительного решения... Всем заметно: завязывается жестокая и сложная психологическая борьба между вратарем и вратарем. Выходит ли вратарь? Или может сунуть снайпер в бросок на ноги соперника? Не выдержал, бросил мяч! И все-таки недостаточно стремительно, чтобы определить быстрый и точный, совсем не сильный, но неотразимый посып мяч! И опять, как много лет назад, обступившее поле ребята иззволновано кричали:

— Фе-до-то!

...Мы познакомились с Володей Федотовым. Точнее, влюбились в знакомство. И вдруг вспомнили и помнили Володю еще в ту пору, когда мы могли на стадион за руку. Тогда щенок играл на поле, а сам сидел на трибуне. Переполненный стадион волновался, шумел, переживая события напряженной встречи. Маленький Федотов тогда волновался и часто, забываясь, толкал коленкой соседа.

Он ухе тогда знал толк в футболе. Вряд ли даже в свою семью лет мог вспоминать, когда в первый раз удалил мяч. Но почему, когда уходил? Во дворе было много времени для досуга, неподалеку от метро «Сокольники», ребята постоянно гоняли мяч. Володя играл в настольных бутсах — коричневых, с черными кружками, очень красных. Их подарила отец, хоть мама и ворчала: «Еще один футблист в семье? Не много ли на моя голову?»

Сейчас комсомолец Володя Федотов кончает десятилетку.

— Как учиться...

— Вроде хорошо...

— Что дальше хотеть дальше?

— Да учиться. Думско пойти в институт физкультуры.

Дальше Володя рассказывал о том, что очень любит футбол. Когда отец приводил его, мальчишку, в футбольную школу молодежи, он еще донашивал те самые бутсы с черными кружками, которые так верно служили в матчах на дворе.

— В этих бутсах, между прочим, сейчас другой мальчишка играет. Я ему подарили...

А как много радости приносит Володе Федотову футбольная школа молодежи!

Знаете, я и не думал, что футбол такая наука! У нас замечательные учителя: Николай Тимофеевич Дементьев, потом Константин Иванович Бексов, заслуженные мастера... Они опытные и заблестившие. Вы помните их на поле?.. Правда, каждый играл по-своему, а техника у обоих была богатейшая. Говорят, и папа мой так играл! Они и от нас требуют того же... Меня учатся: «Неважно, что ты такой неплохой, главное, чтоб голова на плечах была». Это ведь правильно!.. Вот Николай Тимофеевич совсем на вид не богатырь, а как играет...

Володя ничего не сказал о своих успехах, но в небольшой записной книжке капитана, которую Володя называет своим «футбольным дневником», занесено уже около ста голов, которые удалось ему забить в различных соревнованиях...

Мих. АЛЕКСАНДРОВ

ФЕДОТОВ

Григорий Федотов с сыном Володем.
Снимок 1948 года.

ПЯТЬ ВОПРОСОВ ВАН КЛИБЕРНУ

Ван Клиберн снова приехал в Москву. Снова мы усиливаем его замечательную игру.

Встречал Клиберна, невольно вспомнив о первом впечатлении с ним, о первых впечатлениях, о дниах незабываемого музыкального соревнования в Москве, на улице Герцена.

...Это было в один из первых дней июня. Уже вчера я услыхал интервью с учащимися.

У самого входа остановился автобус, и из него вышли несклонные юноши и девушка. Оправа их была скромна, но лицо каждого парня с полной густы непослушных волос. Он широко улыбнулся, и я сразу же узнал его. И немножко подождал.

— Вы говорите по-английски?

— А как же! Ведь я американец — ульбнулся парень.

— Ваша мама...

Так я впервые услыхал имя, которое я несколько дней спустя стала любить.

Потом мы еще нескользко раз встречались с Ваном — ходили по улицам, сидели в кафе, пили кофе, говорили, спорили, слушали музыку, мечтали. Многое из тех бесед я забыл, но одно не забыто, было у牢но запоминовано. Не сохранилось одно короткое интервью, по-моему, любопытное, потому что я хочу сегодня поделиться:

ВОПРОС. Какую литературу вы любите?

ОТВЕТ. Романтическую. Но, если я русских писателей не буду называть, то вам?

ОТВЕТ. Чехов, Достоевский, Пушкин.

ВОПРОС. Кто ваши любимые поэты?

Фото Н. Курнакова.

ОТВЕТ. Барон, Пущин, Фрост, Синибера, Уитмен... Но самый близкий мне — Александр Пушкин.

ВОПРОС. Занимаетесь ли вы спортом?

ОТВЕТ. А как же! Пианистка по натуре, спортсменка из утренней гимнастки! Из всех видов спорта я предпочитаю легкую атлетику, даже бегаю на дистанции.

ВОПРОС. Когда вы играете, встают ли перед вами какие-нибудь образы?

ОТВЕТ. Да, очень часто. Например, когда я играю на фортепиано, я вижу Чайковского. Я расскажу про вторую часть.

Это — история любви к женщине. Она держит на руках ребенка и поет ему ныльевальную песенку. И вдруг вижу в окне русский пейзаж. Это красота заставляет девушку вспомнить о своем прошлом.

И выпускает ее из рук, потом поднимает его, успокаивает.

Обрисовывается ее профиль. А дальше — широкий русский пейзаж...

Рассказывал это, Калибер напевал, а я слушала, и вспоминала свое повествование. Глаза его горят, длинные нервные пальцы сжимают ствол, будто под руками излалины роллы. Он замолкает. Пауза.

Вот тут — так говорит Ван, — и можно смущаться, охватывающего его томлением. Глаза его смотрят снова, и он обнимает ее, и она, нехотя, жалобно. Тогда его лицо становится бледным. Вы понимаете, мне легче сыграть это, чем рассказать.

Ван зануриивает новую сигарету. Он очень много курит.

Конст. ВИШНЕВЕЦКИЙ

С новгородским жителем Николаем Аникеевым случилось удивительное превращение. Правда, для Новгорода, если заглянуть в его тысячелетнюю историю, чудес не редкость. Но вышеизложенное превращение смирилось не во времена языческого поклонения деревянному Перуну, а в наше просвещенное столетие, точнее, в наше время.

Бывший Николай Аникеев в канцелярии секретаря Новгородского горкома ВАКСМ товарища Мощенкова Б. В. комсомольцем, а вышел оттуда внесенным новгородцем.

История, разыгравшаяся за дверьми кабинета, могла бы остатьсятайной, однако товарищ Мощенков сам сделал ее всеобщим достоянием, доложив о ней на «съезде» комсомольцев Новгородской губернии. А вскоре устами почетных получими печатное воспроизведение: в газете «Новгородский комсомолец» появилась заметка А. Рубанова «Уподобившийся блоке». Вот эта новейшая новгородская легенда:

«Дядяки Николай Аникеев услышал песню о блоке, для которой по приказу моряков был сыпят бархатный кафтан. «Блокада! — сказала Насекомое темное, необразованное, без инициализации, а вот Николай Мощенков, в блоке и бархате прыгает. Мне бы найти такого щедрого простодушного, который бы меня принял!»

И вот Аникеев уподобился этой «счастливице», стал прыгать из блокады в блокаду, другое, если просторнее. За два года он переменился в Новгороде четырьмя места работы. Ему говорили: «Учишься. Образование у тебя невелико, повиши квалификацию».

«Анникев не в ответ одно: «Ученые — это мне не по нутру. Я хочу быть полноправным гражданином».

С этим требованием он в начале концовки пытался уговорить синий монстр комсомола. Здесь ему опять-таки посоветовали: «Ничего страшного, купи курсы квалифицированных людей, их трухи и оплачивай».

И вот Николай, швырнувшись на стол комсомольский билет: «Какой прок тогда от этой иннициации? Не могу обменять ее на блокадный кафтан!»

Будем надеяться, что комсомольцы — товарищ Николай Аникеев — разберутся с ним все же, что нельзя человеку уподобляться блоке».

Позднейшие исследователи новгородских легенд, несомненно, обратят внимание на это высокодуховственное произведение. Завидовались им и мы.

— Как бы повидать этого бархатолюбца? Где сейчас Аникеев?

И тут среди работников горкома произошло легкое замешательство. А кому же знать об этом? Что делает? Как его найти?

Товарищ Мощенков даже удивился, что такие вопросы кому-то пришли в голову. Неужели недоначтоти того, что отшепенца за克莱мил?

Не знал, как найти героя своей заметки, и А. Рубанов, блеснувший таким сарказмом. Он видел, что с Анникеевым Близко знаком не было, а точнее сказать, никогда в глазах его не видел. Услыхав в темноте вдруг активную накачку, затряска била, а блок и бархатный кафтан — это уже художественный образ, так сказать литературный приварок.

Осведомленней всех оказалась адресный стол. По его подсказке мы и отправились разыскивать Анникеева.

Ради красного слова

Но ни стандартный дом, где жили Анникеевы, ни квартира в их общежитии рабочей коммата на виадуке на мысале, о роскоши, в которой, по утверждению А. Рубанова, так привык Николай, «уподобившийся блоке». Встретила нас мати Анникеева, скромная пенсионерка. Мы почувствовали смущенную тревогу: «Что тут ни так! Туда ли мы пришли?»

— Здесь живет Николай Аникеев?

— Здесь. Только он сейчас на работе.

— Уже на новой работе?

— Да. Без работы как же? Пенсия не помогает. Николаю было два голика, когда он ушел...

Мы отыскали Николая Анникеева на Бодрове, на бускире с романтическим названием «Борок». Маленький, юркий «Борок» таскал с места на место баржи, перед которыми сам казался мышевым. Не счыш умелые матросы выгадывали новичков, но тем не менее старательно управляясь с бускирным канатом.

— Читала, что о тебе написано в газете?

— Написать все можно...

— Что же это, неправда? Как ты мог бросить билет?

— Я не бросал. Я предъявил его секретарию. Он начал менять ругать, почему я взрослому не заплатил. А я сказала, денег нет. Потом он стал стыдить меня, что я пришла в горком истиранием, заросши. Я сказала, что денег нет, не работает. А он спрашивал, почему я не могу устроиться в «Новгородстрой», я потом с другим предприятием. Я сказала, что мало зарабатывала, а мне одеться надо. Справилась, ты учиться? Нет, говорю, конечно шесть классов и бросила: трудно было. Надо устроиться на хорошую работу, немножко одеться, потом думать об учебе. Тогда он начал меня ругать, что вот я не учусь, не хочу добросовестно работать, а только бегаю с предприятиями на предприятия, за двадцать рублей с трамваях гоняюсь. Ну, я обрадовалась и тоже растерялась.

Разогревавшись, молодые новгородцы стали решать вопрос по примеру своих далеких предков на вечевой площади — «много и громогласно кричали». А кончилось импровизированное вече тем, что Анникеев как ошпаренный выскочил из кабинета, оставил комсомольский билет на столе у секретаря.

— Почему же ты не взял билет?

Секретарь сказала, что таким же место в комсомоле. Ну, говорю, и ладно, и возьмите мой билет, раз ни комсомолу от меня, ни мне от комсомола пользы нет.

— А какой пользы ты ждал от комсомола?

— Какой?.. Не знаю... Я шла в горком посоветоваться. Поискала саму работу, не нашла. Мне говорят, или в горком, там подскажут.

Они даже направляют. Направляют меня товарищ Мощенков... из кинотеатра. Больше я к нему не пойду!

Мы, как могли, разговаривали Анникееву, что он неправ. На секретари горкома он может обижаться, а на комсомол — нет! Надо ему идти в горком за билетом и становиться на учет.

Он не без труда прогодтил билет старой обиды, но пообещал:

— Пойди.

Эта встреча по-иному, чем в заметке, стала историей о бронзовом блоке. При всех своих недостатках Николай Анникеев не показался нам «уподобившимся» пресловутому попрыгуну. Насекомообразное сравнение А. Рубанова было здесь, мягко выражаясь, ни к селу ни к городу. (Кстати, на каких неведомых творческих Анникеев возлагал автор заметки воспитательные функции, если Анникеев не состоял в то время в комсомольской организации?)

Но во всем в жизни парень правильно разобрался. Заболел недугом молодости, обозрившись, что способен голой рукой с себя звезды хватать. А до них, оказывается, без ракеты не дотянешься. Поработал в строительном тресте «слесарем-водопроводчиком» — не понравилось, сорвался с места и пошел болтаться, как перекати-поле в стени.

Вот тут бы горкому и его секретарю терпеливо напоминать парни, что дядяки его, помчь ему, а то же что товарищ Мощенков.

Может быть, перекальдовая с места на место оставленный билет, он беспокойся: «Два месяца глох-то проходит Анникеев. Отрылся паренек. Говорят, в том же «Новгородстroe» еще человек делает уюзались, а с учета не снялся. И мы не знаем, где он. Теряем комсомольцев!»

Нет, не истрачиваются «сварки» Мощенков. Ведется проверка. Несколько скользких человек на каждом здании горкома человеком принадлежит. Среди комсомольцев есть еще и такие люди, с которыми мы не можем поговориться, чтобы наставить их на путь истинный. И громким криком да гневным выражением на лице тут сразу не поможет. А товарищ Мощенков ради красного слова в человеке узрел, а самого человека не заметил, отвернулся от человека!

В. КУКАНОВ

г. Новгород.

Все спортивные пути ведут ныне в Рим! Это действительно так. Через два месяца в древней итальянской столице возвьется флаг XVII олимпийских игр. И лучше из лучших — спортсмены всех пяти континентов — начнут борьбу за золотые титулы олимпийских победителей...

Сегодня мы привыкли слово участникам олимпийских игр 1912, 1920, 1924, 1936, 1948, 1952, 1956 годов. От тех времен, от других — несколько лет. Но никогда из этих событий по-своему занимательно. Каждая олимпиада оставляет определенный след в истории спорта. И, что особенно приятно, каждое выступление советских спортсменов на олимпийских играх способствовало укреплению мира и дружбы между народами всех стран.

ОЛИМПИ

С БОРУ ПО СОСЕНКЕ

Обично, когда хотят определить спортивное развитие какого-либо вида спорта, сопоставляют настоившее с прошлым... Накануне нынешней, XVII олимпиады мне тоже хочется обратиться к прошлому — вспоминать о русских спортсменах, выдвинувшихся в 1912 году из состава России на олимпийские игры в Стокгольме.

Возьмем для примера футбол, который мне особенно близок.

Почти все футбольисты-москвичи того времени начинали свой спортивный путь на Ширяевом поле. Гоняли в двое ворот: один на

один, два на два, три на три. Собирались юноши побольше — выбирали двух капитанов. Остальные разбивались по парям. Стартовали... Так, собственно говоря, подбирались команды. Подобные встречи считались уже официальными. Пронигранные решали, что им наскажена страшная обида, и стремились в ближайшие дни звать реванши.

Трудно, конечно, при такой прямо-таки самодельной системе говорить о высоком мастерстве. И все же у нас были неплохие футболисты-одиночки: такие, как браты Филипповы, Ольсовы, Федотовы, Асаулов, Никитин и другие. Во всяком случае, мне кажется, ужко в то время можно было бы создать неплохую олимпийскую футбольную команду. Да и ту тут-то было!

Вся подготовка русской команды к олимпийским играм 1912 года велась впопыхах. Хуже этого, разогралась старческая борьба между спортивными деятелями типа барона Мейендорфа, графа Рабопера, барона Вильебранта и еще добрых дюжины титулованных особ. Они разбились на две части — петер-

буржев и москвичей. Причем каждая из частей стремилась «протащить» в сборную как можно больше своих спортсменов, не считаясь с их достоинствами.

В футболе эта борьба была особенно жесткой. Состоились отборочные матчи футболистов двух городов, выигранные, в общем, москвичами. Но тут распространялись слухи, что петербуржцы будут в сборной больше. Тогда московские деятели выступили с ultimatum. В журнале «Русский спорт» была опубликована заметка, в которой говорилось: «Или москвичи совсем не поедут на олимпиаду, или же поедут в том количестве, на которое имеют право как победители».

После огромной шумихи решено было провести официальный матч команд Москвы и Петербурга. Но он далничный результат (2 : 2), еще более увеличив предолимпийский ажиотаж...

В конце концов перед самым отъездом в Стокгольм был настроен создана команда. Собранным с бору по сосенке футболистам не дали даже сыграться. Мы провели лишь

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Недавно в составе нашей команды мы провожали в Милан на первенство Европы молодого товарища — антагониста Виталия Дунги. Это, безусловно, спортивный атлет, кото-
рому по плечу решительные матчи
народного класса. И тем не менее перед отъ-
ездом он очень волновался: ведь для него
это было первое международное соревнова-
ние...

Глядя на Виталия, я невольно вспомнил, как восемь лет назад вот так же — может быть, с еще большими переживаниями — мы ехали на олимпийские игры в Хельсинки. Там состоялось мое боевое крещение. Впрочем, и для всей советской команды XV олим-
пийские игры были экзаменом на зрелость. Впервые советские спортсмены приняли участие в этом крупнейшем комплексном международном соревновании.

Еще до начала XIV олимпийских игр ми-
ровая печать уделяла наибольшее внимание
советским спортсменам. Французская газета
«Экип», например, опубликовала статью под
заголовком: «СССР — большое
неизвестное в Хельсинки». Корреспондент
этой газеты, в частности, писал: «Что касает-
ся СССР, то он уже выиграл свой первый забег. Само присутствие русских и их участие
в соревнованиях по большинству видов спорта
разве не является самым интересным мо-
ментом олимпийских игр 1952 года?»

Но время составления нашей команды поме-
стили в загородном местечке вместе с dele-
гациями Чехословакии, Польши и других со-
циалистических стран. После этого в реакции-
ющей прессе Европы началась довольно
одробочная навеска на то, что наши москов-
ские следут считать «западной школой»,
что советская делегация прячется от чужих
зрений. Однако спортсмены всех стран быстро
разобрались в этой очевидной газетной утечке.
Наши двери были открыты для всех, и от го-
стей буквально не было отбоя. У нас завязы-
лась крепкая спортивная дружба со всеми
нашими соперниками. «Именно мир получил
в Хельсинки самую прекрасную золотую ме-
даль», — отмечала после олимпиады француз-

**ГИМН, ПОНЯТНЫЙ
КАЖДОМУ**

Ноябрь 1956 года. Стремительный прыжок с ташкентского аэропорта в далекую Австралию — в Мельбурн, город XVI олимпийских игр...

Известно, что в 1952 году в Хель-
синки команда СССР и СФРСР сравнялась, на-
правив на 494 очка. Теперь в Мельбурне со-
ветские спортсмены перегнали своих заокеан-
ских коллег. 624,5 очка против 497 — это ли
не подавленная, убедительная победа!

Что ж, приятно отметить такой поистине грандиозный успех. Радует то, что в нем есть и мой вклад. Я победил в Мельбурне в беге на 5 тысяч и 10 тысяч метров.

Перед поездкой в Мельбурн я был в хоро-
шей спортивной форме. Но разница климата

година, завтра, послезавтра, пока не выигра-
ешь медаль...

Иподром, окруженный со всех сторон то-
лпами, был защищен от пронизительного ав-
стралийского ветра. Природа здесь напоми-
нала мне родные украинские места. С доб-
рого согласия фермеров мы со Стивенсом ста-
ли приезжать сюда ежедневно. И каждый раз после тренировки хозяин приносил нам
корзину фруктов...

Постепенно силы вновь возвращались ко
мне...

И вот старт 10-километровой дистанции. Выстроил ранун нас вперед. Я сразу повел
бег, за мной увязалась англичанин Г. Пирс.
Я ускоряю темп. Пирс следует по пятам.

«Лишь бы не повторился Берген», — мысл-
ила я, не выходя из головы. Но надолго перед

этим в Бергене Пирс вот так же прошел за
мной всю дистанцию, а на финишне выскочил

из-за спины и отнял у меня мировой рекорд...
Делаю новый рывок. Пирс верен своей
тактике. Он идет так близко, что я слышу его
тижелое дыхание: «пуф-пуф». Его так и на-
зывают в печати: «Мистер Пуф-пуф». Оче-

ЙСКАЯ ЭСТАФЕТА

две-три тренировочные встречи, и, как говорится, прямо «с корабля на бал» попали на олимпиаду. Правда, для нас этот бал скорее походил на танцы. Мы проиграли первый матч команде Финляндии (1 : 2), а в утишительной встрече были буквально разгромлены футбольистами Германии — 0 : 16!

И так обстояли дела не только с футболом. Лишь талантливые единички сумели постоять за страну.

Нельзя не вспомнить замечательного борца М. Клейна. Его поединок со знаменитым финном А. Аникайненом продлился более.. 10 часов. Какой надо было обладать выносливостью, чтобы довести схватку до победного конца! Мы бесконечно радовались, когда финн оказался на лопатках. И как много горечи доставила нам необъективность судей, лишивших затем Клейна золотой медали! А «делателям» Русского олимпийского комитета все было безразлично. Они забылись лишь о представительстве России на различных банкетах и редко появлялись на спортивных площадках.

сказала газета «Се спур». — И в этом главный вклад советских спортсменов...»

Участие мастеров спорта страны социализма значительно обострило спортивную борьбу на олимпиаде, сделав ее упорной, на редкость напряженной. Это не способствовало достоинству спортивных результатов.

Американцы широко рекламировали свою олимпийскую команду и предрекали ей бесспорную победу. Но деле получилось не так. Советские спортсмены сразу же опередили команду США. Только на финишне американским спортсменам удалось нас догнать. У обеих команд оказалось одинаковое количество очков — по 494.

Полным нашим триумфом окончились состязания гимнастов, получивших 25 золотых, 11 серебряных и 2 бронзовых медалей. Одни Виктор Чуканов, другие — серебряные метатели потеснили двух первоклассных медалистов! Борцы завоевали 6 золотых, 2 серебряные и 2 бронзовые медали. В стрельбе олимпийскими чемпионами стали Анатолий Богданов и Борис Андреев...

Я штангист. Поэтому несколько подробнее мне хочется сказать о изменении о состязаниях тяжеловесов.

Очень сильными считались команды Ирана

и Египта. А победителем виа конкурентами все называли американских атлетов. Однако помест показал иное соотношение сил. Мои друзья выиграли с блеском. В концовке зачете мы обогнали итальянцев.

В самойющей категории главными соперниками были Аркадий Воробьев и Стенли Стапчин. Феноменальный американский штангист и мой большой друг Стенли шесть раз до этого выигрывал первенство мира.

Техника у него была такая, что свирепящая штанга казалась в его руках невесомой. И все же победа досталась мне! В троеборье я поднял в сумме 417 килограммов и завоевал золотую медаль. Золотые медали принесли команде также Иван Удовод и Рафаэль Чиминки.

Когда я твердо вспоминаю драматическую борьбу, я вспоминаю еще раз убеждаюсь, что выиграть мне удалось благодаря выдержке и помощи товарищей. Мы общими силами боролись за победу. Мы хотели всему миру доказать, что советский спорт является сильнейшим в мире. И мы это доказали!

Помимо футбола, я очень увлекался теннисом. Поэтому теннисный олимпийский турнир тоже отнял у меня много времени. Разумеется, я болел за своего соотечественника Сумарокова. Но он проиграл в полуфинале: сказались недостатки опыта.

Повторяю, единственные русские спортсмены-олимпийцы добились некоторых успехов на олимпиаде 1912 года. Большинство же было предоставлено самим себе. Никто не хотел отыскивать таланты, которых, коли в гуще народа, можно было бы найти тысячи!

Я, старый русский спортсмен, очень рад, что иные спорт в нашей стране стал доступен миллионам юношей и девушек. Не «Ширевка», а тысячи стадионов, плавательных бассейнов и спортивных залов гостепримно раскрывают свои двери перед спортсменами. Поэтому эти замечательны и успехи советского спорта!

Василий ЖИТАРЕВ,
участник олимпийских игр 1912 года

и Египта. А победителем виа конкурентами все называли американских атлетов. Однако помест показал иное соотношение сил. Мои друзья выиграли с блеском. В концовке зачете мы обогнали итальянцев.

В самойющей категории главными соперниками были Аркадий Воробьев и Стенли Стапчин. Феноменальный американский штангист и мой большой друг Стенли шесть раз до этого выигрывал первенство мира. Техника у него была такая, что свирепящая штанга казалась в его руках невесомой. И все же победа досталась мне! В троеборье я поднял в сумме 417 килограммов и завоевал золотую медаль. Золотые медали принесли команде также Иван Удовод и Рафаэль Чиминки.

Когда я твердо вспоминаю драматическую борьбу, я вспоминаю еще раз убеждаюсь, что выиграть мне удалось благодаря выдержке и помощи товарищей. Мы общими силами боролись за победу. Мы хотели всему миру доказать, что советский спорт является сильнейшим в мире. И мы это доказали!

Трофим ЛОМАКОИН,
заслуженный мастер спорта,
победитель олимпийских игр 1952 года

— Ты убил меня.

Этот день я не забуду всю жизнь. Мне удалось завоевать для нашей команды первую мельбурнскую золотую медаль...

Более двух недель шла напряженная борьба между сильнейшими спортсменами мира. 37 золотых, 29 серебряных и 32 бронзовые медали завоевали советские спортсмены в Мельбурне.

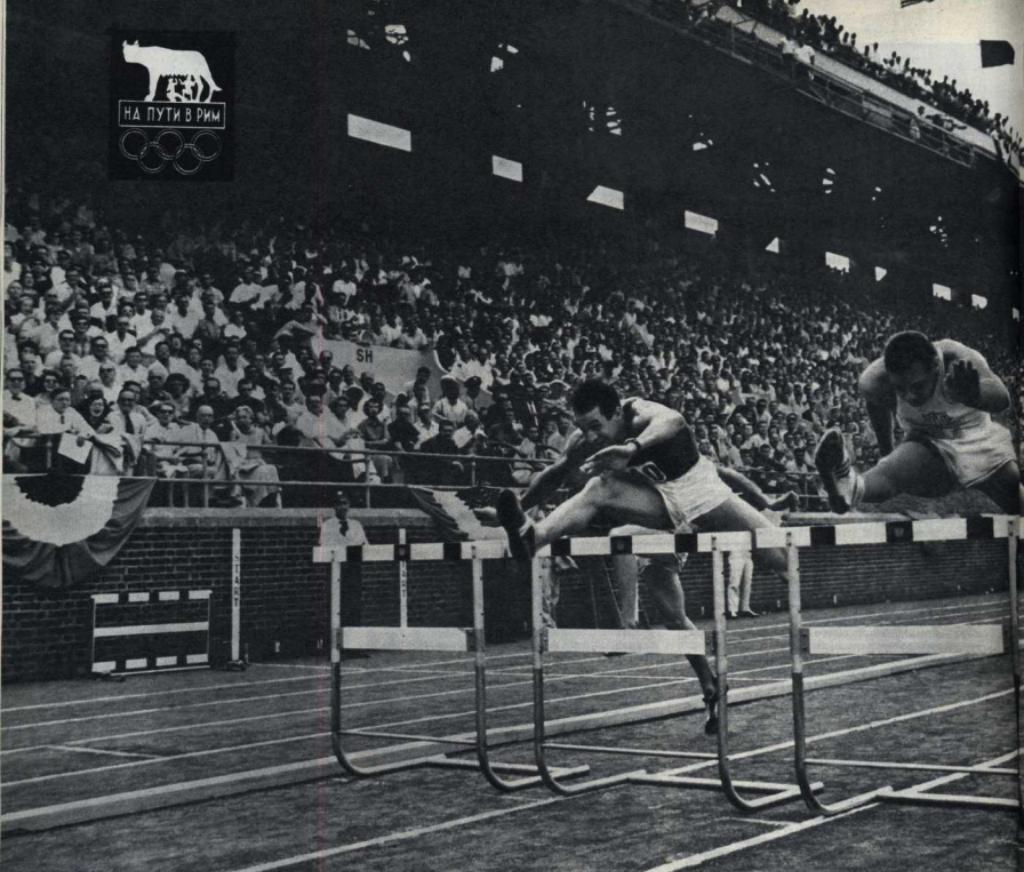
«Игры закончились победой России по очкам и по количеству медалей», — писали австралийские газеты. А один из американских корреспондентов заметил в своей статье: «Гимн Советского Союза стал более знаком участникам игр и присутствующим зрителям, чем гимн СССР».

Но чей бы гимн ни раздавался на стадионе, в городе олимпийской славы одни, понятный сердцу каждого гимн — другие. На закрытии игр все мы слышили один колонный. Вышие соперники стали друзьями!

Владимир КУЦ,
заслуженный мастер спорта,
дважды четырехкратный победитель
олимпийских игр 1956 года

На выставке Владимира КУЦА. Гимназия Петра Чайковского. Фото А. Воронцова

СОПЕРНИКИ и друзья

Роль предсказателя судеб спортивных мальчиков еще никому не удавалась. Может быть, только как шутка. Мялкескин, «однозначительно предполагать или предположительно полагать». И все же, объективно извещивая соотношение сил, делая выводы из уроков прошлого, можно с достаточной долей вероятности высчитывать попадание...

Односительно десятиборца эта

задача облегчается тем, что среди них есть два фаворита, на голову превосходящие остальных соперников. Если они оба выйдут на старт, а мы сами не будем думать, что это произойдет, — то наверняка один из них уедет домой победителем. Эти двое — Василий Кузнецов и Раффер Джонсон. Спор между ними идет не сколько лет. И каждая их встреча уже является сенсацией.

Когда весной 1959 года В. Кузнецов вернул себе мировой рекорд с суммой 8 337 очков, в Атланте его американские соперники головами. Уже очень неожиданным казался этот результат. На втором матче легкоатлетических команд США и Советского Союза на стадионе «Франклини Филд» в Филадельфии Кузнецову предстояло доказать свое право называться сильнейшим. Он был хорошо подготовлен и горел желанием скрести оружие с Джонсоном. Несчастный случай помешал этому: экс-рекордсмен машинально автомобилем катастрофой. Коньки «Франклини Филда» восторженно приветствовал Василий Кузнецов, который, как писал корреспондент газеты Юнайтед пресс интернешнл, «доказал, что он является первой звездой среди легкоатлетов мира», — в это время Раффер

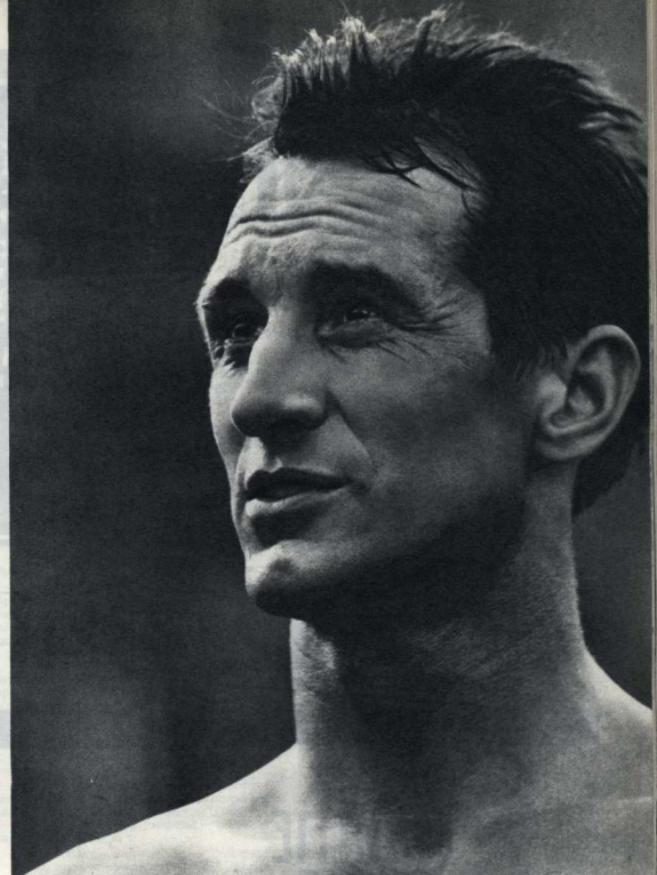
лежал в больнице. А рядом, на тумбочке, белела телеграмма: «Очень сожалею по поводу случившегося. Желаю быстрейшего выздоровления и успехов. Василий».

Кузнецов вернулся в Москву. Следом пришло письмо, которое мы публикуем с любезного разрешения того, кому оно было послано.

«Дорогой, Василий!

Я получил твою телеграмму и очень благодарен за теплые пожелания. Очень сожалею, что не смог участвовать во встрече в Филадельфии. Тебе, пожалуй, известно, что я повредил спину в автокатастрофе. Но сейчас, кажется, дела идут на поправку и расцветают. Я буду заниматься тренировками в следующем месяце».

Думаю, что у тебя дела идут хорошо. Искренне радовался тому, что ты удачно выступил у

нас в США. Если бы не дождь, несомненно, установил бы новый мировой рекорд. Надеюсь, что ты остался доволен пребыванием в моей стране, так же как я был доволен пребыванием на твоей родине.

Заглянув вперед, я мечтаю о нашей встрече в Риме на олимпийском стадионе. А пока желаю тебе хороших тренировок. Ты великий атлет, представитель своей страны и джентльмен.

Твой друг Рафер Джонсон*. Итак, Джонсон собирается в Рим. Потенциальные возможности этого атлета колоссальны. Вот личные рекорды двух самых выдающихся десятиборцев мира, показанные ими в разных соревнованиях (смотри приводимую ниже таблицу).

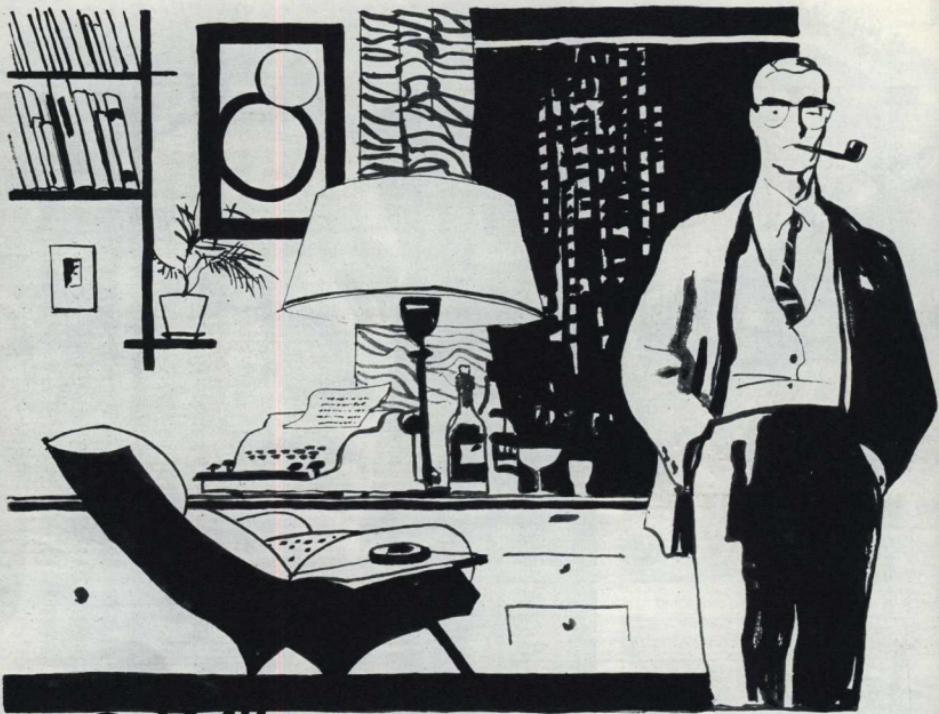
Выведенные в конце суммы могут быть условными. В практике не может быть соревнования, в кото-

ром многоборец все десять видов выполнит на уровне своих высших достижений. И все же сопоставление циклов Джонсона и Джуинсона Потенциально Рафер сильнее, это верно. Но возможности надо уметь превращать в реальность. А это лучше делает Василий. Не случайно Джонсон лишь однажды поднималась выше 8 тысяч очков, а Кузнецов сделал это пять раз, причем трижды в предолимпийском сезоне. Он освоился с избранной высотой и чувствует себя на ней спокойно и вполне уверенно...

О возможностях двух сильнейших десятиборцев мира можно спорить долго, точнее, до того момента, когда встретятся по-прежнему в Риме Франция в последнем виде десятиборца. Тогда олимпийский стадион сам назовет победителя!

Д. ОРЛОВ

Вид	Р. Джонсон		В. Кузнецов	
	Результат	Очки	Результат	Очки
100 м	10,3	1 237	10,5	1 129
400 м	47,9	3 025	48,6	958
110 м с/б	13,8	3 105	14,4	983
1 500 м	4,54,2	2 945	4,52,0	324
Бегсотка	19,1	915	19,0	900
Длинна	7,76	1 084	7,49	962
Шест	3,95	1 720	4,30	915
Ядро	16,78	1 112	15,48	933
Диск	53,31	1 093	52	1 031
Копье	74,33	1 129	72	1 048
Сумма:		9 824	Сумма:	9 193

САМИ ИДИ ПРЕ ВОЕВАТЬ

Уильям САРОЯН

Рассказ

Рисунок Е. Шукиной

Прошло с тех пор не то два-три месяца, не то два-три года. Сижу я в этой маленькой комнотке и пишу рассказ о том, как моим родителям, погибшим монстрами, пишу о том, что творится у них в уме, о тех удивительных вещах, что грызутся им, и о себе, и о испытанной, как вдруг въ салышко

в дверь — очень настойчивый стук.

«Едва ли это Удача», — думал я. — Ведь Удача стучалась в мою дверь много лет назад, когда я уходил из дома и искал работу. Поэтому я решил, что это, должно быть, стучит мой двоюродный брат Кирк Майор, лучший из всех известных мне писателей, который, однажды, не пишет и не желает писать. А может быть, это принц печальных молодых людей из агентства по поискованию голубым саржевым костюмом. Заходят ко мне каждые восемь и восьмьдесят в одиннадцать минут, сообщают, что если я и не уплатил четверть доллара, которые я все еще должен тому буржуа, что устроило меня когда-то на работу, то дело будет передано в суд и мое имя покроется

позором, а меня, возможно, даже посадят в тюрьму.

Этот молодой человек один раз заходил ко мне, та часть, что я не помню, потому что в то время я не мог сказать, даже стало дружескими, хотя со стороны кажется, что мы брали. Я никогда не интересовался его именем, но он сам рассказал мне о себе, и я узнал, что у него есть жена и маленькая дочка, которая все время болеет и доставляет много хлопот.

Сперва этот молодой человек мне не понравился, и я часто задавал себе вопрос, зачем он работает в агентстве по взысканию долгов. Но когда агент рассказал мне о своей маленькой большой дочери, я понял, что он вынужден как-то зарабатывать на жизнь и что служит он там вовсе не потому, что ему нравится эта работа, а просто потому, что ему нравится эта работа.

Он приходил ко мне, такой меланхоличный и печальный, и всегда старался смотреть на меня со строгим видом. Затем он говорил:

— Прослушайте, мистер Струтца, нашей фирме очень надоело, что вы постоянно уклоня-

етесь от уплаты долга, и мы должны наконец уладить это дело.

Я на это обычно отвечал:
— Присядьте, пожалуйста. Закуривайте. А как здоровье вашей дочки?

Тогда этот молодой человек, по обыкновению вздыхал, садился и закуривал.

Долг есть долг, — говорил он, — и не можете быть к нам снисходительны. Ведь вы все еще должны нашей фирме четыре доллара.

— Ну что же, — отвечал я, — и не будьте снисходительны. Я никому не должен ни цента.

Правда, я занял у моего двоюродного брата Кирка Майора подолья, но он пока не требует от вас через ваше агентство.

Затем мы беседовали с ним. Агент рассказывала мне о своих неудачах, о том, как плохи его дела. Я же рассказывала ему о своих не приятностях, о том, как плохи мои дела, о том, что я не могу писать, и так далее, а молодой язычок у меня вовсе не то, что надо, о том, как я выхожу на улицу и иду в публичную библиотеку, чтобы снова узнать, как умудрился так хорошо писать Флобера.

...Стук в дверь нарушает стройность моих мыслей. Я иду к двери и открываю ее. «Если это мой двоюродный брат Кирк», — думаю я, — то я открою его; если же это молодой человек из агентства, я буду вежливым и спрашивать о здоровье его дочери».

Но, отворив дверь, я вижу, что нет другой. Передо мной маленький человек лет пятидесяти, с взятым антром. В деревне руке у него большая коричневая пакет, набитый, без сомнения, очень важными документами. Я не знаком с этим человеком, и поэтому он меня очень интересует: мне хочется побольше узнать о нем, чтобы написать хороший рассказ.

— Энрико Стурица! — спрашивает, вернее, выкрикивает он, и я начинаю понимать, что в мире что-то произошло, произошло нечто важное и имеющее историческое значение.

— Да, сэр, это я, — спокойно отвечаю я.

— Энрико Стурица, — продолжает маленький человек таким тоном, словно он собирается приговорить меня к смерти за какой-то проступок. — Альянс завтрашнего дня, — говорит он, — это не просто единство, это единство, способное помочь нам избежать войны. Маленький человек, — говорю я, — я хочу, чтобы ты рассказал мне о Международной алии, сохранении демократии, что вам поручается выполнить свой гражданский долг на фронте. Как только вы наадесте пальто и шапку, я буду рад сопровождать вас в «паккарде» в штаб-квартиру. Там вы получите прекрасную новую форму, брошюру с инструкциями, написанную на языке, понятном даже семилетним младенцам, хорошую винтовку и место для ночлега.

Маленький человек произносит свою речь выразительно и живо, но не меня она не производит сильного впечатления. Я ничего не отвечаю, закуриваю сигарету и предлагаю гостю зайти в комнату и присесть. В комнату он неходит, но присесть отказывается.

— Нуждаемся в помощь войну? — вежливо спрашиваю я.

— Разумеется, — улыбается маленький человек.

«Надо быть идиотом, чтобы не знать об этом», — вероятно, думает он про меня.

— Войну, — продолжает он, — объявили сегодня ровно в четверть седьмого утра.

— Чта за неудачное время, — замечая я, — ведь в этот час все спят! Кто же объявила войну?

Мой вопрос приводит маленького человека в замешательство. Лицо его вспыхивает от смущения, по нему пробегает гримаса, и он отвечает:

— Помнишь текст объявления войны была опубликована сегодня во всех утренних газетах, — отвечает он.

— А я не читал газет, — говорю я. — Ионога, правда, просматривала «Красный сибирь монитор», но не часто. Ведь я писатель, и чтение газет портит мой литературный стиль: не могу позировать себе это. Но война интересует меня. Так что же все-таки объявила ее?

Видно, что я не правлюсь маленькому человеку, и он даже не делает попытки ответить на мой вопрос.

— Так вон Энрико Стурица? — снова спрашивает он.

— Да, — отвечаю я.

— Тогда пойдемте со мной, — говорит он. — Простице меня, — отвечаю я, — но я не смогу пойти с вами. Я пишу сейчас рассказ об участниках голодного похода и должен закончить его сегодня.

— Я требую, — говорит мой посетитель, — чтобы вы пошли со мною. Требую это от имени Международной лиги.

— Ступайте к черту, — склоняю голову и отвечаю я. — Маленький человек трясется от ярости, и я начинаю бояться, как бы с ним не случилось припадка. Нет, он поворачивается по-военному на каблуках, называет меня изменником родины и уходит.

Я возвращаюсь к пишущей машинке и продолжаю свой рассказ, но ничего утешительного у меня не получается. Я вижу, что мой герой, которого я изобразил в виде героя, и в самом деле, как птицу, действует она на первых писателей: стыдно является виновным и экспрессивным. Новость о войне выводит меня из равновесия, я впадаю в уныние, сижу безучастно, стараясь думать о чем-то заслуживающем внимания.

Не проходит и получаса, как опять раздается стук в дверь. Я открываю ее и вижу изящ-

нюю фигуру молодого офицера. Он, по всей видимости, хорошо воспитанный парень с университетским образованием, привлекательного вида и далеко не идиот.

— Энрико Стурица! — спрашивает он.

— Пожалуйста, — отвечает он, — пожалуйста.

— Мне — Александру Энрикулью, — говорит офицер, протягивая мне руку.

— Очень рад познакомиться с вами, — отвечаю я. — Не приставайте ли?

Молодой мастер Энрикулья принимает мое гостеприимное приглашение, садится на стул. Моя же рука, — говорю я, — Энрикулья Пинг, приветствую его. Я беру сигарету, мы зажигаем, и разговор начинается.

— Меня информировали, — говорит Энрикулья, — что это у вас побывал мистер Ковинтон. Из его рапорта следует, что вы, эмм, выражались, не изъявившись о особом желании отправиться с нами на фронт. Мы же хотим, чтобы вы, — говорит он, — помогли нам встретиться с вами, побеседовать и убедить вас в необходимости принять участие в войне — ведь цивилизация просит уничтожить!

Энрикулья меня очень интересует. Интересует потому, что мне уже ясно, что ничто, кроме войны, ничто, кроме цивилизации, находящейся под угрозой уничтожения, не может нарушить ограниченностей и пустоты его жизни.

— А почему вы счищаете, что цивилизация что-либо угрожает? — спрашиваю я. — Откуда вы это взяли?

— Если мы не сокрушим врага, — отвечает молодой офицер, — по-мальчишески увиливая от прямоты, — то цивилизация будет разрушена, и разрушена так, что мир вернется в состояние полного варварства.

— О какой цивилизации вы говорите? — спрашиваю я.

— О нашей, разумеется, — отвечает мистер Энрикулья.

— А я ее и не приметил, — говорю я. — Кроме того, я ее душой за возвращение к варварству. Считаю, что это было бы весьма забавное времечко. Даже самые утонченные люди не возражали бы побывать примерно в состоянии полного варварства.

— Мистер Стурица, — говорит молодой офицер, — прости вас, как мужчина мужчину, прекратить свои легкомысленные выпады. Вы должны присоединиться к своим братьям, борющимся с разрушительными силами врага, который грозит уничтожить все благородные и высокие идеалы человечества.

— А вы уверены во всем этом? — спрашиваю я.

— Мы должны воевать, чтобы защитить демократические традиции, и, если потребуется, даже умереть в этом битве.

— И вы хотели бы умереть — очень важно спрашиваю я.

— За свободу! — отвечает Энрикулья.

Ну, тогда я расскажу вам, как отправлялся на тот свет художник Паслен. Получалось это у него, мне кажется, весьма ловко. Он влез в ванну с теплой водой, вскрыл себе вены на руках и тихо скончалась, без боли и хлопот. Конечно, существует множество и других способов самоубийства, не менее искусных. Только я не рекомендовал бы прыгнуть с небоскреба. Это очень уж последний и суеверный способ, хотя и довольно популярный в наше время. Самому же мне не хотелось бы умереть. Я прозябал и поэтому намерен прожить как можно дольше. Думало перевести в тюрьму, но там я бы вскоре остался в живых, предупредившись заранее.

— Не могу понять вас, — говорит мистер Энрикулья. — Вам сильный и здоровый молодой человек. У вас выпрыгнула настоящего солдата, и все же вы делаете вид, что не хотите участвовать в этой войне — исторической войне, войне, которая будет концом всех войн. Вы отказываетесь принять участие в одном из наиболее выдающихся событий, когда-либо происходивших на нашей планете. Наши воинственные силы превосходят. Наши химические дивизии могут уничтожить огромное количество вражеских войск. Наши танки самые мощные, самые быстрые и самые самые смартфонные. Наши самолеты самые быстрые, самые орудия беспилотники. Наши военные корабли своей численностью превосходят в три раза численность кораблей противника. Наши подводные лодки готовы потопить любой вражес-

ский корабль. Система нашего шпионажа самая совершенная, и нам известны все секреты непримиримых. А вы сидите здесь и притворяетесь, что не хотите воевать в этой благороднейшей войне всех времен.

— Я не могу, — отвечаю я. — У меня есть некоторые желания уничтожить врага. Я ведь тоже не знаю, кто напал на нас. Всем кто с собой — кто воевает? С Германской? Французской? Итальянской? Российской? С кем? Я очень люблю и немцев, и французов, и итальянцев, и русских. Мне бы очень не хотелось оскорбить чувства русских. Я величайший поклонник и Достоевского, и Толстого, и Тургенева, Чехова, и Андреева, и Горького.

Мистер Энрикулья в неторопливом поднимается с места.

— Ну что ж, — говорит он. — К сожалению, в данный момент у нас еще нет необходимых полномочий, чтобы привозить на фронт всех годных к военной службе молодых людей. Но наше ведомство пропаганды работает день и ночь, мы намерены принять участие во всех общих выборах и добиться на них победы. Это только вопрос времени: скоро все подобные вам малодушные субъекты пойдут на фронт, где им и подобает быть. Могу вас уверить, мистер Стурица, что вам не удастся отдалиться от этого.

— Может быть, он и прав, — думаю я и говорю:

— Задолго до войны как-нибудь, и мы победим ее об искусстве. Это просто неистощимая тема: чем больше вы говорите об искусстве, тем больше остается недосказанного.

Я снова возвращаюсь к своему рассказу на этот раз в довольно скромном настроении. У меня ничего не получается, — говорю я. — Снова затягивается вся мысль и парализует надежды на будущее. Чтобы не сидеть дома и не хандрировать, я выхожу на улицу и иду по направлению к публичной библиотеке. Я смотрю на прохожих и замечаю, что с ними творится что-то неладное. Они совсем не те, что были вчера. Перемены в них едва заметны, и ее трудно уловить, и все же я чувствую, что люди как-то изменились. А может быть, и я изменился? «Нет, я остался тем же самым», — убеждаю я себя. И в то же время я не верю себе: внешне люди, так же как и я, остались теми же, но на самом деле это не так. Я ощущаю изменения, что произошли с людьми, но мне трудно уловить перемены в себе самом.

Изменения в людях не что иное, как военные действия. Их можно увидеть, как и увидеть во уме, — умственный рост. Перемены же в уме, — хочу надеяться, — это не истерия: ведь я совершенно спокоен. Но я не могу отрицать, что начиняю неминимо нервничать. У меня бессознательно появляются желания сбить с ног первого же попавшегося молодого идота, который вдруг заумает предложить мне пойти воевать.

К вечеру я возвращаюсь домой. Мой двоюродный брат Кирк Майор слушает патефон — «Элегию» Массне в исполнении Карузо. Кирк покуривает сигарету и с очень спокойным видом прислушивается к песне величайшего певца мира и, по мнению моего кузена, одного из величайших людей, которых когда-либо знал мир.

— Ну, как насчет войны? — спрашиваю я.

— А что именно? — говорит Кирк.

— Как твое мнение о ней?

— Да никак, — отвечает он.

— Ты говоришь неправду, — замечая я. — Что ты думаешь насчет войны? Ведь тебе сдаваться лет, и тебя скоро заберут в армию. Это тебя устраивает?

— Я не люблю, когда много народу в кругом суетолоке, — говорит мой двоюродный брат.

— Но тебе заставят воевать.

— Нет, — говорит Кирк. — Я терпеть не могу ходить в строю. Да и вообще я не люблю воевать.

— А я на это напальчай, — говорю я. — Они работают для правительства и заставят тебя пойти на фронт.

— А я откажусь, — отвечает Кирк.

— Тогда тебе посадят в тюрьму, — говорю я.

— Пусть, мне все равно.

— Разве ты не хочешь бороться за сохра-

нение демократии и тому подобное? — спрашивала я.

— Ну, — отвечает кузен. — Не люблю долго маршировать. Это стесняет меня; я предпочитаю гулять один.

— Знаешь, — говорю я Кирку, — сегодня ко мне приходили два офицера, и я обещалась с ними довольно-таки невежливо.

— Ну и правильно сделала, — замечает Кирк. — Не ты начал войну. Пусть те, кто ее начал, сами виноваты. А ты ведь писатель, хотя я и здоров сомневался в этом.

— Это только твое мнение, — говорю я. — А теперь убирайся отсюда к дьяволу, хочу еще написать.

Нельзя спустя ко мне заходит шкварка одетая в молодую ламу. Она бойко разговаривает со мной, нервно покуривая сигарету.

Мы решаем привлечь вас, мистер Струцица, поработать у нас, — говорит она. — Нам стало известно, что вы пишете рассказы, и мы хотим, чтобы вы сотрудничали в нашем ведомстве пропаганды. Вы будете писать вздохновляющие науш публику рассказы о молодых людях, добровольно отправляющихся на фронт спасать цивилизацию, о германских жертвах матерей, жен, сестер, дочерей и тому подобном. Вы будете хорошо зарабатывать, и вам представляется много возможностей сделать себе карьеру.

— Очень сожалею, — говорю я, — но мне

плохо удается рассказы, вдохновляющие науш публику.

Вам нечего этого бояться, — замечает молодая лама. — У нас научно разработаны типовые формы рассказов на военные темы, которые могут вызвать громадный эмоциональный подъем у населения. Так что вам останется только изменить имена, адреса и прочие второстепенные детали. Это очень просто.

— Представляю себе, — говорю я, — но мне не по вкусу такая работа.

— Вы будете зарабатывать пятьдесят долларов в неделю, — продолжает молодая лама, — и получите чин первого лейтенанта. Вы окажетесь в военной и общественной жизни страны и познакомитесь со множеством людей, которых смогут быть полезными вам после войны.

Пятьдесят долларов в неделю — это зарплата, о которой я никогда не смел и мечтать! — и получите чин первого лейтенанта. Вы окажетесь в военной и общественной жизни страны и познакомитесь со множеством людей, которых смогут быть полезными вам после войны.

— К сожалению, — говорю я, — я после короткого раздумья, — эта работа мне не подходит.

Молодая лама собирается уходить, и на прощание просит меня как следует обдумать ее предложение. Она основывалась в одном из лучших отелей города и хотела бы знать, не навесли ли я ее как-нибудь вечерком, чтобы вместе выпить и поболтать...

Спустя два месяца ко мне заходит Кирк Майлер с другой ламой и рукой. В газете сказано, что все годы в армии служебные младшие ламы будут привезены в армию, так как ход войны складывается для нас не слишком благоприятно. Наши потери почти равны потерям противника: примерно один миллион убитых и двадцать восемь раненых. Газета пестрит жирными заголовками и сообщениями о массовых митингах и кампаниях по займам.

— Ну вот, — говорю я, — все это означает, что меня заберут на фронт.

— Что же ты думаешь делать? — спрашивает меня Кирк.

— Не дам впасть себя в это дело, — отвечаю я.

Проходит пять дней, и я получаю повестку: мы приказываем завтра к восеми утра явиться на приемный пункт. Вот и восемь утра сле-дует я, в сорока километрах от дома, и себя стараюсь закончить рассказ. С одиннадцати минут третьего в комнату входит мистер Конвигтон, тот самый маленький человек, который когда-то заходил ко мне. С ним четверо похожих на него мужчин. В коридоре два военных посыпания, а внизу у подъезда два больших роскошных автомобилей.

— Энрико Струцица! — спрашивает мистер Конвигтон.

— Да, — отвечаю я.

— Я председатель Комитета по расследованию случаев дезертирства в этом районе — сорок седьмом районе Сан-Франциско, и я должен выяснить причину вашей незвонки на мобилизационный пункт. Вы получали повестку со номером 247?

— Полагаю, что повестка, которую я получила, была за номером 247, — отвечаю я.

— Вы прочли ее?

— Разумеется.

— Тогда почему же вы не явились сегодня утром на мобилизационный пункт?

— Да, — спрашивает один из маленьких людей, — почему же вы не явились?

— Да, потому же? — спрашивает второй.

— Да, потому же? — спрашивает третий.

Четвертый же, мне кажется, вообще потерял дар речи: он ничего не спрашивает.

— Мне надо закончить свой рассказ, — отвечаю я членам комитета, — и вы застали меня за этим занятием.

— Я попросила бы вас не уклоняться от прямого ответа, — говорит мистер Конвигтон. — Может быть, вы болеете и поэтому не смогли явиться на приемный пункт?

— Нет, — отвечаю я, — я была совершенно здоров. Я и сейчас здоров, никогда в жизни не чувствовал себя так великолепно.

— Тогда, к своему прискорбию, я должен сообщить вам, что вы арестованы за дезертирство, — говорит мистер Конвигтон.

...Я наклоняюсь над приемным столом, смотрю в лицо каждого из жалкой бумаги и уясняю о том, что я сейчас нахожусь в своей собственной комнате, где сидела некоторую цивилизацию, и что это место заменяет мне вселенную, и что у меня нет никакого желания уйти отсюда. Внезапно я сознаю, что только что удалился мистер Конвигтон, и что он ушел на пол, и что пытаюсь ударить других членов комитета, и что они схватят меня за руки — эти четверо членов комитета и две помеси. Я в состоянии думать лишь об одном: «Какого же черта вы, блайдаки, сами не можете вспомнить? Вы, старые сумасброды, уничтоженные в последнюю войну миллионы людей, почему же вы сами не отправляетесь в фронт?»

Но я не могу вымолвить ни слова, и один из членов комитета говорит мне:

— Если мистер Конвигтон умрет, нам придется рассределять вас, мистер Струцица, хотя это будет для нас тягостным долгом; если мистер Конвигтон останется в живых, вы, возможно, отделаетесь двадцатью годами тюрьмы, мистер Струцица, но если он умрет, — повторяет член комитета, — для нас будет печальная долгом распределить вас.

И, скользя со мной вниз по лестнице, маленький старичек без конца повторяет эти слова...

Роквелл Кент (род. в 1882 году). Приближение бури.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Если пройтись по залам Музея современного искусства США, то почти не увидишь реалистичных картин. Может создаться впечатление, что в Америке нет реалистов. Но это заблуждение подлинного национального искусства, которое своими корнями уходит в даленое прошлое — времена, в годы, предшествующие войне за независимость.

Действительно, в начале XX века реалистическое искусство заступило место импрессионистических течений. Модернизм сейчас поддерживается официальными кругами и прессой, которая замаливает творчество художников-реалистов.

Но в конце 20-х годов гонимые и депрессии — молодые прогрессивные художники Америки объединились в различные союзы. Наиболее передовым был Клуб Джона Рида, одним из организаторов которого являлся Фред Эллис. Одновре-

менно с этими творческими объединениями работали и крупные мастера, продолжатели большой реалистической традиции национального искусства — Чарльз Уайт, Генри Стюарт и Роквелл Кент, старейший художник-реалист. На протяжении полувека Роквелл Кент отстаивал реалистическую точку зрения в противоположность к абстракционистскому и неутверждаемому гуманистическому искусству. Он не только большой художник, но и страстный борец за мир, который на засилье «модных» точений абстракционизма, реалистическое искусство Америки живо. Недавно группа видных прогрессивных художников Америки сформировала союз современного искусства США, в котором она выразила протест против абстракционизма, требовала места в музее для произведений реалистического направления.

Чарльз Уайт (род. в 1916 году). Жатва.

Фред Эллис (род. в 1886 году). Китайский крестьянин.

Ночью Бейрут горит буйным разноцветным ренклам.

У пляжа Амэриэн.

ВАВИЛОН, ЗДРАВСТВУЙ!

Юлиан СЕМЕНОВ

специальный корреспондент «Смены»

Фото автора.

Импровизированный концерт на набережной.

ПОТНЫЙ ПАРЕНЬ ИЗ БОННА

Около пирамиды Хеопса бегает молодой парень, увенчанный фотографатами. Он весь в мыле, руки промокла, но лбу катится пот. Но обгорел, и цвет у него уже сейчас отчаянно свекольный.

— Надо бы сказать, чтобы он смазал одеколоном нос-то,— говорю я своему спутнику господину Хамиду.

Ну его к черту! Пусть бы он все обгорел, этот молодчик из Бонна.

Потому добрый господин Хамид в традиционной красной феске и в синем, с ногтевыми костюмом от лучшего портного так неожиданно грубо! Спрашивать неудобно. Надо наблюдать.

Долго ждать не приходится. Вижу, как немец подходит к арабу, одетому в национальный костюм, и пальцем манит его за собой. Араб, дежурящий у пирамиды вместе со своим верблюдом — привезший арабов демонстрационные снимки и неделю плавал по этому удовольствию,— идет следом за немцем. Тот манил его еще дальше, к маленькому кусочку земли, обнесенному колючей проволокой: это чай-то крохотный скопок, проволока здесь условна, как, в общем-то, и сам огородничко. Но собственность есть собственность — ее пристало обновить чем-то. Колючий проволокой лучше всего. Тем более, что во времена империалистического господства в Египте заворачивались — слишком много колючей проволоки — опасные для того, чтобы обнести огороды. Сейчас она ржавеет без дела... А немец, конечно, хочет показать араба за колючий проволокой. Фальсификация совершенно явная. И очень грубая.

Немец ставит араба около проволоки, падает на колено, прикладывает кадр сразу из трех аппаратов и просит араба смотреть на пирамиду, струко склоняя голову и нахмурившись. Он так и говорит, жестами указывая, ненадо переворачивать:

— Бахшиш!

Немец отвечает:

— Потом.

— Бахшиш — спокойно повторяет араб.

Немец лежит в кармане, достает деньги и протягивает арабу несколько фильтров. Тот внимательно пересчитывает деньги, опускает их в карман и принимает позу. Только смотрит он на пирамиду, вслед улыбаясь.

— Плохо смотри! Плохо! — сердится немец.

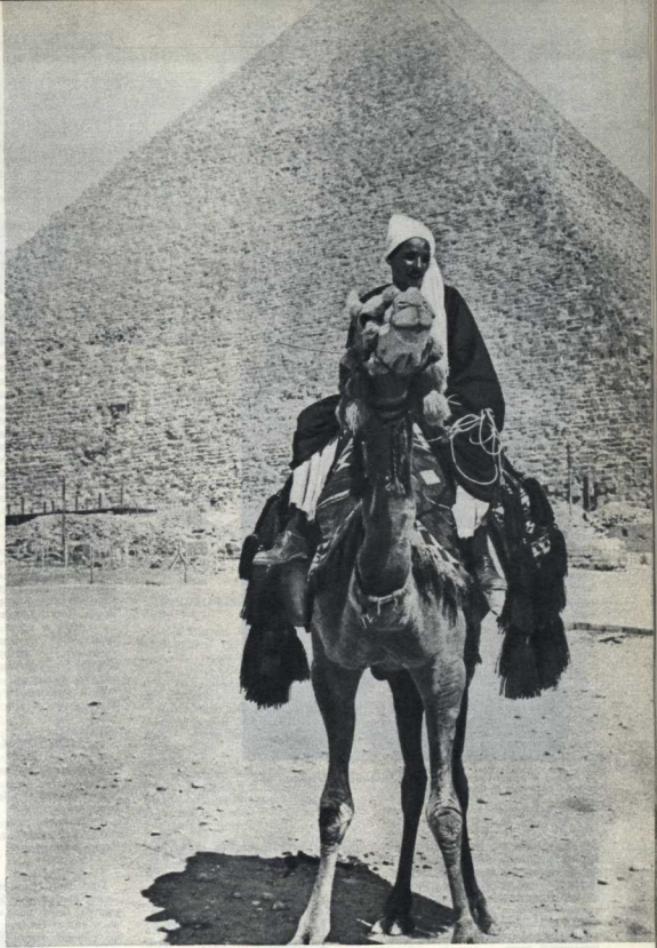
— Зачем плохо? — удивляется араб.— Мне приятно смотреть на пирамиду, я очень люблю смотреть на нее, я вот уж тридцать лет любуюсь ею.

Задуманный кадр не получился у немца...

Когда он отошел к своей машине, господин Хамид сказал арабу с верблюдом:

— Э, дружинце, ты бы сказал мне, кстати, что в Египте много камней с Асуаном, а я бы тем временем собрал эти врачебной карточкой немец наверняка сбесился бы...

— Зачем? — удивился араб.— Он же глупый. И потом у него

— Бахшиш не надо, это мой подарок человеку из России.

они, — это мой подарок человеку из России.

Пустяк, казалось бы. Ну, предложил араб сфотографировать его «подарок», без бахшиша. А вдуматься — человек ведь живет этим позиционированием, он кормит этим себя, семью и своего первого помощника — верблюда. И вот, поди-ка, решил сделать подарок людям из Советского Союза, а кто знает, придет ли сегодня еще один иностранец с фотаппаратом?

Значит, много хорошего известно этому простому арабу о нашей стране и о наших людях, если он готов сделать такой подарок — очень дорогой и очень трогательный...

— Никита — ха-ха-ха!

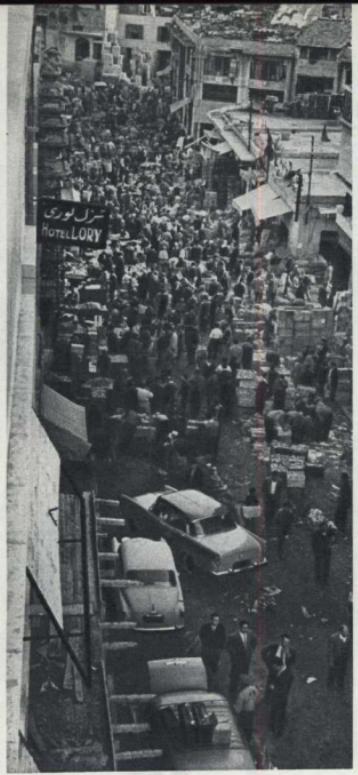
Потом он отходит от колючей проволоки подальше и предлагает снять его вместе с верблюдом на фоне пирамиды.

— Бахшиш не надо, — говорит

ОТЕЦ, МАТЬ, ОН И ЕГО ДЕТИ

Моросит дождь. Мелкий, словно процеженный сквозь рваное решето низких туч. Капает дождь о чем-то быстро шепчущимся с нахромленной листовой пальмой. Далеко-далеко впереди мы видим деревню и пещеру, это эльфы из легенд, это эльфы, они эльфы туманными пеленами в прибрежные камни. Серая водяная пыль висит в воздухе тяжелым сбъзком. Оно растет, ширится, оно поднимается вверх, окутывая маленький азиатский городок Джунино, оно поглощает по иноградникам сюда, в горы, к храму Нотр Дам д'Альбан.

Облокотившись локтями о балюстраду, окружающую храм, смот-

Утром и проснулся от криков зеленщиков: прямо под моим балконом — базар.

ри вину, на море. За мой спиной кто-то капает. Оборачиваюсь и вижу человека в черной сутане. Волосы с проседью, густые, коротко подстриженная борода, удивительно мягкие глаза. Смуглость кожи подчеркивается осенне-зимней белой полоской рубашки, стягивающей шею.

— Добрый вечер...

— Добрый вечер, — отвечаю я.
Мурд, мой маленький спутник, шепчет:

— Это отец Морис, настоятель храма.

Отец Морис спрашивает:

— Вы пришли молиться? Сейчас начнется служба. Брат Фред Эль Нути не приглашал вас?

— Спасибо, но я неверующий.

— Проснитесь?

— Я — мусульманин.

— Нет, я не верю совсем. Я атеист.

Вокруг мягких губ собираются морщинки. Губы трогают чуть за-метную улыбку.

— Как же вы можете жить без веры, сын мой?

— У меня есть вера.

Отец Морис кивает головой:

— Да, я знаю о вашей вере. Но вера без бога — какая же это ве-

ра? Вы несчастны без бога, вам не к кому обращать молитвы. Разве можно быть счастливым без бога?

— Можно. Я счастлив.

Он смотрит на меня недоверчиво. Потом так же недоверчиво улыбается.

— А человек?

Видимо, он решил, что Мурд — мой сын. Я не успевал ответить — за меня отвечает Мурд.

— Я мусульманин... — гордо говорит он... — я не верю Христу!

А ваши дети... — с великолепной непосредственностью ребенка интересуется он... они тоже христиане?

— Все мои дети — христиане.

Я спрашиваю:

— У вас обет безбрачия?

— Да.

— У вас нет семьи?

— У меня нет семьи.

— И вы счастливы?

— О да!

— Но как же можно быть счастливым, когда нет детей?

— Все люди — спокойные южные румыны, словно обнимаемые миром... — моя мать... — глаза подаются к огромной скульптуре богоматери... — здесь, а отец — бог. Он несет людям счастье и

спокойствие. Люди, которые верят в бога... — чистые люди светлой Азии...

У порога храма скрипит тормоза. Почти уперлись радиатором в решетку, остановившиеся голубой «шевроле». Кутаясь в легкие меховые пальто, выскакивают две молоденькие женщины и, прикрывая руки пышные прически, бросаются к храму. Следом за ними идет пожилая женщина в вязанке. Он идет медленно, ступая по лужам, тяжело дыша. Лицо у него бледное, исхудшее, под глазами темные круги.

Мурд знает все: он осторожно трогает меня за руку и шепчет:
— Это господин из казино.

Совсем неподалеку от храма — огромное казино, а попросту говоря, игорный дом.

— А этот ваш сын тоже чист душой? — спрашивала отца Мориса. — Он что, приезжает в храм просить у бога выигрыша? Или, быть может, удачи в шахматной?

Отец Морис смотрит на меня и молчит.

Тем... — и кивает головой на казино — ваши «дяди» тоже проходят время «боготворения»?

С лица отца Мориса склоняются улыбка. У глаз собираются добрые морщинки рано состиравшиеся человека. И он тихо отвечает:

— Знаете, я никогда не смотрю в ту сторону...

Моросит дождь. Мелкий, словно прощенный сквозь рваное решето низких туч. Капли дождя о чем-то быстро шепчутся с наружной стороны пальто. Да-да-да-да-да, внизу — Средиземное море... Отец Морис поворачивается и идет в храм следом за теми тремя, из казино, за своими «детьми», у которых есть бог — золотые кружочки, на которые, как им кажется, можно купить все: и любовь и отпущение грехов.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

— Будьте любезны, пачку сигарет. «Кент»? «Кэмэл»? «Лаки страйк»?

— Нет, спасибо. Я не хочу американских сигарет. Дайте австралийских, пожалуйста.

— Каких?

— Австралийских.

Продавец удивленно смотрит на меня. Выражение лица у него меняется. Ему, предлагаю «Кент», он не понравился и спрашивает любопытно:

— Тебе подходит ли эта сигарета, в это газах прошла всякий интерес ко мне.

Бородатый мужчина, покупавший австралийские сигареты, которые в три раза дешевле американских или английских, явно несостоителен, он не настойчиво покупателя?

— Простите, — говорю я, — положив на прилавок деньги, — но мне кажется, вам должно быть приятно, когда приезжий просит именно австралийские сигареты...

— Больше всего мне приятен хороший обманщик.

— Но ведь вы австралиец?

— Месье, — тороплюсь.

Лучшая иллюстрация к словам Марка о том, что деньги не имеют родины...

Этот продавец, имея дело с иностранной фирмой, как взыскатель, преувеличивает. А вот другой коммерсант, торгующий австралийской обувью, жаловалась мне:

— Подумайте только, я вынужден продавать свои товары, мало

в час уступающие французским, в два-три раза дешевые. Что же делать? Я хочу увеличить свой доход, расширить мастерскую — и не могу связаться с клиентами. Брошу все и переброшуся в Европу на французский «Обида». Ведь я диавол, вы понимаете...

Это представитель национальной буржуазии, дела которой исключительно трудны: иностранная конкуренция давит местную промышленность и ремесла. Белокаленные австралийские товары сплошь и рядом не находят сбыта.

СОСЕДНИЙ БАЛКОН

Порт в отеле, где я остановился, очень молод, очень красив и поддержано элегантен. Его зовут месье Жоржи. Каждый день недели он встречает новых гостей. Месье Жоржи общителен. Он знакомится со всеми иностранцами.

— Добрый вечер, месье... — улыбается он из-за своего конторки, как видно, изнутри с короби. — Хорошо? Я вас видел смотреть Бернту? Месье, будьте внимательны и запомните все, чтобы иначе увидеть во сне жемчужину Бостока. Бернту видят во сне все — уверяю вас! Вы слишком тепло оделись — сейчас все-таки придется Ах, у месье нет белого пиджака? Французы говорят: «Человек без белого пиджака может быть либо финансистом, либо чистым человеком». Поэтому говорю вам: Погодите утро, пока говорят по-арабски. Погодите, мы издалика? О, из России? Салам ва ахлан! Когда вы явно чистый человек, ведь в России нет финансистов. Месье приехал просто в Бернту отпуск? Ах, вы пишете? О, я обожаю художников. Ах, не живопись? Литература! Я знаю Толстого, я читал его рассказы о ковбоях.

— Вы имеете в виду «Казаков»?

— О-ля-ля, какая разница, месье, казаки или ковбои — и то и другое солят на лопатках и любят женщин!

Навстречу на белом мраморной лестнице поднимается двое — парень и девушка. В руках у девушка цветы. Парень вертит цепочку с автомобильным ключом на указательном пальце. На руках, а особенно на стыбах пальцев видны красные точечки вылезшего из кожу машинного масла.

— Салам! — отвечает месье Гарсиа. — Погодите!

— Салам! — отвечает месье Жоржи. — Подздравлю. Ваш номер 503. Э, Ахмед! — кричит он своему помощнику. — Дай ключ Лионау, он только что из церкви.

Лион и его жена садятся в лифт.

Месье Жоржи кивает головой и прищелкивает языком. Он видит мое удивление. И он говорит:

— Знаете, французы говорят: «Жизнь похожа на цирк». Увы, это истина. Но спиртное делает счастливее, чем месье, и я так сказал сапщиком много, месье, счастливой прогулки, месье...

— Отчего же вы не спите ночью, ясно?

— Отчего же я вернулся поздним вечером. Город светился отчаянными разноцветными рекламами. Белокрасные электрические кони зажечены поднимали ноги, рекламируя виски «Белая лошадь»; верились колеса сине-желтых авто-

В горах Ливана, в 80 километрах от Бейрута, сохранились развалины Балакона — «горы Солнца». Здесь многие столетия тому назад был один из центров древней культуры. Творения древних зодчих до сих пор поражают величественностью и изысканностью архитектурных форм.

мобиляй, предлагая купить «Форд» или «Волу», и приобретают для них красные рекламы, причем надпись посетителей заглатывает и слово «дом»! «Катина». И все это море огней образовывало великолепный рисунок ночного города — скадочный и фееричный рисунок. Бейрут засыпал, а реклама беспновала — по-прежнему. Для кого?

В кинотеатре «Палас» закончилися фильмы «Тerror варваров» — американский псевдоисторический боевик мускулистыми скакунами, чьи прикрытия кускаются, пускай шкур с выбитыми лесами, и с десницей не пропадают во время сражений, но зато спешно нападают во время погони на пленников. Люди разошлись, и стало совсем тихо. Пронеслась желтоглазая машина, дробно пропустив каблучки — и снова ни звука в городе, зализт мертвяком светом реклам. И даже лимонная долька месяцы кажется ракомкой.

...И вдруг совсем рядом и сальши длач. Осторожно открывая дверь в холм — там никого нет. Возпринимаю в номер — явно кто-то пачкает. Выглядываю из окна — и вижу балкон от меня сидят мужчина. Он без пиджака. Видно, как у него трется спина. В дверях, позади мужчины, стоит женщина.

Я присматриваюсь: это та самая пара, которую я видел, которая когда-то проехала свою первую ночь.

Осторожно закрываю окно и звоню миссис Жоржи. Он быстро поднимается в номер. Лицо у него усталое, а глаза смотрят грустно и очень спокойно.

— Да, я все знаю, — говорит он, — я знал это и тогда, когда он только решил идти с ней в церковь. Я знал о ней кое-что. Но ее вина — как-то нужно было корить ее. И потом оккупация. Вы не знаете, что такое оккупация? Что такое пыльные солдаты и офицеры, карманники, набитые деньгами. Она знала это. А он потому что узан.

По ходу быстро пропустила каблучки.

— Все, — сказал миссис Жоржи, когда их стук на лестнице стих. — Все. Конец замужеству...

Утром я проснулся от криков зеленищиков: прямо под моим балконом базар. У зеленищиков веселые, звонкие голоса.

Солице, пропибившись сквозь жалюзи, вспых на корове затянутым языком, сидит на своем балконе на балконе парня, который сидит в той же позе, что и ночью. Он услыхал, как я открыл окно. Обернувшись, он смотрит на меня

лицо у него осущущееся и постаревшее. Он долго смотрит на меня, а потом говорит:

— Ничего. Добрый день, сосед. Ничего.

И поднимается со стула. Толкает руки дверь. Оборачивается еще раз, хочет улыбнуться, но улыбки не получается. Парень уходит.

А Бейрут, умытый солнцем, шумит, звенит — веселый, красочный город, настоящая жемчужина на Востока.

ПРИСТЕГНУВШИЙ К КРЕСЛУ...

...На щитке вспыхивают слова: «Внимание! Не курить! Примитеесь к сиденьям». Молоденка стоящая обзывают:

— Мы покидаем Бейрут, столицу Азии...

Всего три дня я провел здесь. Десять часов в Египте, осталась одна — в Ливане. Ведь основная цель — Ирак: Багдад, Багдад, Басра.

В суматохе поездок, в знакомствах с новыми людьми не успевешь толком обдумать увиденное. Поэтому к моменту отъезда, сидя в пустынном кресле — здесь можно спокойно помолстать записки, разобраться в некоторых впечатлениях и, как говорят, подвести под чем-то черту.

Бейрутские журналисты рассказали мне, что во время пребывания в Ливане шестого американского флота некоторые правые газеты восторженно захлебывались, привнесли этот визит. Свой восторг они мотивировали следующим образом: в составе флота около тысячи человек. Каждый матрос зарабатывает долларовую восьмидесятку — $6\,000 \times 80 = 480\,000$ долларов. Помимо этого, не считая денег, оставленных более состоятельных офицерами в казино, ресторанах и публичных домах. «Приток иностранной валюты — основа процветания государства!» — утверждала правые газетчики. А перед моими глазами вставала ширма Лиона и его жены, которая должна была корить семью. Одна ли она такая? Платя за обучение школах коллежах огромную работу женщине, не имеющей образования, трудно.

Так кому же несут пропаганду эти фэштосские доллары?

...Отроманный холм бейрутского аэропорта отделан фресками.

Фрески эти, конечно, не имеют ничего общего с классической настенной живописью. Рисунки на стенах рекламируют то, что ждет человека в Ливане: Рулетка, баккара в казино, ночное кабаре с девочками из Музея Руж, охота, катание на лыжах, купание в лазурном море — словом, будничное, веселое, времепрепровождение. Были бы деньги: доллары, франки или фунты — неважно! Обменный банк и бесчисленные менять к вашим услугам.

Рекламируются отели и развлечения — помимо на других языках: на английском и французском. Очень обидно было, что эту замечательную страну трудолюбивых, честных и добрых людей рожкалиют как товар для злых иноземцев. Очень это обидно и неприятно, хотя те, кто кричит о пропаганде нации благодаря «флотскому полумладенцу», и те, чьи указания пишутся фрески в аэропорту, не устоят колоть себя кулаком в грудь и уверять, что именно таков поэт Ливан — самый верный и благополучный народ.

Я вспомнил одного журналиста. Сердясь, закурив одну сигарету за другой, он говорил мне:

— Мы всплеским пиво, лучшее на Востоке. Это пиво меса Джадяд. Мы строим замечательные дома. Строим по нашим проектам, с нашими рабочими. Мы шьем хорошие костюмы и выращиваем отличный табак. Неужели мы не можем ездить на автомобилях, которых учатся ремонтировать на нашем заводе, и вы можете на строительстве наших краин?

Я слушал этого собеседника и молча соглашалась с ним. Всех соглашаться не хотелось, потому что жулем «коммунистической опасности», соколиню, начинают очень часто размазывать именно тогда, когда предлагаются разумные, деловые вещи. Но жизни есть жизнь, и она сама заставляет думать о будущем тех, кто завидует сегодня всемирским прелестям «адада». Проблема в том, что эта «адада» — болезнь, о которой все болеют и болеют. Людей начинает задумываться. И особенно на арабском Востоке. На щитке вспыхивают слова: «Не курить! Примитеесь к сиденьям — идем на посадку!» Молоденка стоящая освещает улыбаться и обзывают:

— Под нами — Багдад!

(Окончание следует)

В кинотеатре «Палас»
започинился американский
боевик «Тerror варваров».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ "СЧЕНЫ"! УНИВЕРСИТЕТ КРАСОТЫ И ЗДОРОВЬЯ! ЧТО ЭТО ЗА УНИВЕРСИТЕТ? ЗАНИМАТЬСЯ В НЕМ МОЖЕТ КАЖДЫЙ. ЭТО НЕ ПОТРЕБУЕТ МНОГО ВРЕМЕНИ. В НАШ УНИВЕРСИТЕТ НЕ ХОДЯТ. ОН ЗАОЧНЫЙ.

С высокой трибуны пятой сессии Верховного Совета СССР товарищ Н. С. Хрущев сказал о том, о чем думает сейчас каждый из нас: — Все лучше и краше становится жизнь всех советских людей. В течение семидесяти каждый человек в нашей стране будет в достатке обеспечен одеждой и обувью. Уже сейчас шерстяных и льняных тканей у нас вырабатывается больше, чем во Франции, Англии и ФРГ, вместе взятых. А по потреблению тканей в расчете на душу населения наша страна уже обогнала Италию, догнала Францию, вближайшее время догонит ФРГ и Англию.

Вот еще одна цифра. Как подсчитали экономисты, в нынешнем году мы с вами купим различных товаров почти на 56 миллиардов рублей больше, чем в прошлом.

Можно привести еще немало цифр и примеров, убедительно свидетельствующих о том, что у нас есть все условия к тому, чтобы вближайшее время занять еще более радостное.

Но давайте поговорим и о другом:

Всегда ли хорошо ваш новый костюм или пальто? Всегда ли идет вам прическа, фасон платья? Печально иную новую квартиру портят неумело расставленные в ней вещи!

Согласитесь, что порой в этих неудачах виноваты не только портной, парикмахер или архитектор, планировавший квартиру, а мы сами.

Наш «Университет красоты и здоровья» хочет помочь своим «слушателям» выбирать хороший вкус, выбрать простой и изящный фасон платья, прическу. Мы расскажем о внутреннем убранстве наших квартир. О том, что такое уют.

Истинная красота человека — в гармоническом развитии его духовных и физических качеств. Вот почему так тесно связаны между собой два понятия — красота и здоровье.

Поэтому ряд лекций в университете будет посвящен физической закалке человека, осанке, фигуре.

По многочисленным письмам, которые получает редакция, мы видим, что все это живо интересует наших читателей.

Вести занятия в университете будут писатели, ученые, искусствоведы, врачи, модельеры.

Однако «учебный план» еще не утвержден окончательно.

Мы идем в твоих предложении, читатель.

О чем бы ты хотел узнать! Какие темы хочешь видеть на страницах «Университета красоты и здоровья»?

Твои советы и предложения, несомненно, помогут сделать наши беседы более интересными и разнообразными.

В заключение разрешите представить:

— Меня зовут Маша Савинова. Я надеюсь, что занятия в университете будут проходить весело и интересно. Мы будем сидеть в атласных креслах, выпускающих мебель, в атласных хромированных бенкетах... Одним словом, нам с вами предстоит немало интересных встреч...

— А меня зовут Вася Клевшин. Лицо я против университете. Кому он нужен? Лицо мне — нет. Я против моды. Вот так-то...

Ну, что ж, продолжим спор в следующем номере журнала.

Долина гейзеров

По Камчатке проходит интереснейшая туристская тропа. Она ведет в долину гейзеров, которая расположена у подножия вулкана Кихмыныч.

Кихмыныч — антынная вулканическая область. Ее называют «страной огнедышащих гор». Она богата минералами — из спутников гейзеров, грязевых котлов, горячих источников. Гейзеры это фонтаны, излившие воду и клубы пара, с резом вырывающиеся через определенные промежутки времени из слизи отверстий в земле. Этим отверстия покрыты минеральными корками, минерализующими форму кораллов. Он имеет три разнообразные окраски: белую, желтую, розовую, дымчатую.

Кроме гейзеров, в долине имеется множество грязевых котлов, грязевых источников, перекристических источников, паровых струй, теплых озер. Грязевые вулканчики, как и минеральные модели вулканов, иногда имеющие правильную конусообразную форму. Атмосфера в долине насыщена паром.

По долине протекает река Гейзерная, питаемая водами снежников Кихмыныча и гейзеров. Протекая вниз, она впадает в озеро. На этой горной реке — семь живописных водопадов, три из них имеют высоту 15 метров. По берегам — травы и рост, цветы.

На склонах Долины гейзеров и в горячих источниках много медвежьих следов. Конечно же, видимо, большая любительница горячих источников. А высоко в небе парят горные орлы.

Пока этот сказочный мир посещают только туристы, но неизвестно, когда скоро появятся строители. И создадут замечательный дом отдыха, работающий на природе. Здесь будут лыжники. Здесь будут лебеди, парники, сады и даже виноградники.

С. СМИРНОВ

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 10.

По горизонтали:

1. Понис. 4. Резервуар.
6. Айвазовский. 9. Бардин.
10. Григорьев. 14. Григорьев.
15. Пеликан. 16. Алантер.
18. Алапаевск. 19. Чемпионат.
21. Карабин. 22. Сатирик.
23. Альбом. 24. «Лимонад».
27. Минск. 30. Треугольник.
31. Насекомое.

По вертикали:

1. Призрак. 2. Иордан.
3. Ортогональный. 4. Радиус.
5. Ручей. 7. Протоплазма.
9. Бриллиант. 11. Ивановин.
12. Фермер. 13. Новинка.
14. Минск. 17. Рубаха. 20. Пикник.
24. Прораб. 25. Геодезист.
28. Курсант. 29. Пьемонт.

МАФИЯ

«Баглио» — замок средневековых баронов в скальных краях Сицилии. В тайных каменных убежищах живут сегодня руководители террористических банд.

Учко есть часы в Корлеоне? Таких богатств можно пересчитать по пальцам. Крестьяне Сицилии из века в век живут по петухам.

Еще темно, когда подает голос первый вестник утра, но люди сразу поднимаются с ложбин и на неостепененных коней бурно толкаю и щадяще чрепаха невеселого горника. У кого есть занята, тот идет в поле. Арендаторы-исполнители тоже тащится на «свой» участок.

Солнце еще не взошло. Туман поднимается из щелин, и холод заставляет людей дрожать — так дрожит трава от ветра на горном пастище.

И все же эти невыспавшиеся, злые люди — счастливцы. Как им завидуют те, у кого никогда не было ни пяди земли! Батраку тяжело в Корлеоне.

Каждое утро под фонограмм на площади у замка сходятся безработные: может быть, повезет! Двести, триста человек стоят на душе их неспокойно, — сквозь плаки. Дети спасенные детьми. Когда забываете просыпаться, он просит есть. Нечем покормить его мать, если отец снова вернется с пустыми руками? Дикое травы можно вырыть только раз или два в неделю, не каждый день. И прогодранные люди стоят в молчании. Ждут.

Плотно закусив, часами к девять, когда солнце еще не слишком светит, на площадь подъезжают те, кому принадлежит земля в Корлеоне. Заложив руки в карманы белого жилета, идет помещик синюк Драго сквозь расступающуюся толпу, ни на кого не смот-

рит. Ему спешить не пристало. Помещик идет медленно, покуривая сигарету. Он видит знакомое лицо: «Какется, этот хорошо работал в прошлом году на мельоби. Понадобился помощник». Синьюк Драго пускает клуб дыма:

— Ну что сколько?

Батрак отвечает:

— Тысячу лир в день, ваша милость...

— Ха! — Синьюк Драго оглядывается: площа, как бы считая, сколько собралось сегодня «этих голодающим». Первому попавшему бросает:

— Пятьсот хочешь?

Хочешь! Может ли хотеть что-либо безразберий? Пуск сотни батраков, мальчишек, мажище. Пусть даже полценны, лишь бы была возможность заробиться!

Земля в горах кремнистая, сухая. Принадлежит она господину,

и если помещик не захочет, она никогда не будет тронута плугом, хотя бы вся деревня вымерла с голоду. Был после войны принят закон о реформе: крестьянам позволяли выкупать помещичью землю, которая не обрабатывалась, но на Сицилии свои законы. Начали было крестьяне занимать земли синюков, и приставы расправлялись с ними. Днем полиция стояла с пистолетами, защищая конституцию и священную частную собственность. Но ночам в настороженных деревнях лготировала чья-то невидимая рука.

Джервезе Джинко, мэр Корлеона, встречает нас у своей резиденции. Мы поднимаемся по выщербленной, старой лестнице, и мэр объясняет нам, что «Корлеоне» означает «глыбные сердца».

— Гордое имя у нашего селения, — говорит он, — ульбается он, — но я сожалею, что меня выбрали.

— Почему?

— Слишком много бед: безработицы, нищета. Людей надо лечить. Дети должны ходить в школу. Но у нас совсем нет денег. Почти три тысячи мужчин без работы. Это нищета. Всем надо помогать, а чем и как?

Конечно, есть способ помочь беднякам Корлеоне и всей Сицилии. Это прежде всего индустриализация. И это было бы для итальянской коммунистии вместе с социалистами. Они хотят, чтобы у всех была работа, чтобы влага поднялась на поля, чтобы сицилийская земля кормила того, кто ее обрабатывает, и дети в школах познали премудрости грамоты. И хотелось рассказать мэру, что три советских инженера с турбубарами, сделанными в Азербайджане, недалеко от Джика, новые залежи нефти, помогут итальянским специалистам. Вот практические помощь Сицилии!

Но вдруг рядом с народом я замечаю седого человека. Бесконечная, как море, печаль застилает его глаза. Потертый, наверно, единственным костюмом подчеркивает бледность его лица.

— Это отец Плацидо Ризотто, — знакомит нас мэр.

Плацидо Ризотто... Конечно, мы уже слышали о нем имя.

— Ему было тридцать три года, — говорит старик, — когда его убила мафия.

— Это был наш герой, — замечает мэр.

На стенах в черной рамке — портрет молодого Ризотто. Проницательные глаза под узкими бровями, черные усы над упрямой склонной губами, открытые, смелое лицо.

Молодой социалист Ризотто поднял головных батраков на

борьбу против всесильного синьора Драго. Крестьяне начали занимать помещичью землю: была весна, и невозделанные поля не могли больше ждать. Полиция сгоняла крестьян, но на следующий день люди как ни в чем не было шли работать на прежние места. Ризотто воевал в партизанах против немцев. Он говорил, какие хорошие годы: «Нас много. Мы у себя дома. Главное — выдержка».

И тогда синьор Драго решил, что пришла пора пролить крестьянскую кровь.

Однажды ночью, в марте, после собрания батраков Плачидо Ризотто не вернулся домой. Его искали долго по всей округе, но напрасно: предводитель крестьян исчез. Синьор Драго был доволен. В Корлеоне знали — это дело рук Мafии.

Могло в Корлеоне что хочешь думать о Мафии, можно смело разговаривать о ней дома с отцом или братом, но на улице или на площади надо быть осторожным. Мафия не любит, когда о ней говорят, и никто не знает, где ее найдешь. Того, кто осмеливался говорить о ее преступлениях, находили убитыми: сначала отрезали язык, потом уже убивали. Крестьяне, которые забирали помещичью землю, казнили друг друга, сначала изрубали, потом убивали. Какой-нибудь «верный человек» подстерегал крестьянского вожака в укромном месте и волчью картечью безжалостно сваливал его, и никто не осмеливался искать убийцу. Всетье ночи то и дело полыхали в селах дома, в полях — склады хлеба. Страшно хранили перерезанным горлом крестьянские корнины — мулы и лошади. Шед поливались кровью сицилийская земля.

Если Мафия, как нам говорили, государство в государстве, то Корлеоне — это его столица. Здесь мы много узнали об этой единственной организации террористов.

— История Мафии — рассказывали нам дядьки — ведет в средневековье. Тогда Сицилия владели чужеземцы: то короля Арагона, то Бурбонов. Чтобы защититься от беззакония феодалов, крестьяне должны были объединяться. Железной армии жестокой и тайной войны крестьян за свою землю.

Когда началась Французская революция, феодалы уже сумели подкупить верхушку этой организации. Ее заплатили золотом и землей, и Мафия стала разрывать революционеры-якобинцев. Чем ближе к нашим дням, тем теснее становились связи помещиков с ее вожаками. В течение каких-нибудь ста лет Мафия превратилась в оружие, направленное против крестьян и против всяких засеков, кроме средневековой «железной армии». Мафия замерзлась и за пределами Италии...

Летом 1943 года, через несколько дней после высадки союзников на Сицилии, в небольшое селение Виллальба ворвались три больших американских танка. Из первого танка, на башне которого развевался желтый флаг с черной буквой «L», вышел офицер.

— Ну-ка, позовите быстрее дона Калоджера, — сказал офицер стоявший вокруг людей.

Тогда главарь Мафии — дон Калоджеро Виццини — дон Кало —

Корлеоне — столица Мафии.

не заставил себя ждать. Не прошло и дня, он выныул из кармана желтый платок, показал его американцу и влез в таз вместе со своим племянником Дамьяно Луми, только что вернувшимся из Америки...

Шесть дней дон Кало не был в Виллальбе. Затем он вернулся в сопровождении двух офицеров американской армии.

Ключ к этой загадочной истории нашел смелый журналист Панталеоне. Оказалось, что черная бумага «L» на платках и на желтых флагах означала Лукио Лоччано. Этот человек уехал из Сицилии в Америку, где, став главой американских гангстеров, нажил огромное состояние, жульничеством на скакках и содержанием домов терпимости. Лишько установил условный знак для того, чтобы в дальнейшем поддерживать связи с Калоджеро Виццини. Сам дон Кало — этоственный фашист. И если он помог американцам, то лишь спасая свою собственную шкуру.

Нет, не случайно американский сенатор Кефферов в своей книге «Гангстеризм в Америке» нанескал на щенные услуги, которые оказала Лоччано разведке военно-морского флота США. Лоччано использовал свою обширную знакомством с американской организацией, чтобы расчистить путь для американских тайных агентов. Взамен, сообщает Кефферов, военные власти приказали выпустить Лоччано из тюрьмы, куда он попал за свои темные дела. Без скажкой видимой причины в 1946 году уголовный преступник Лукио Лоччано был окончательно освобожден. Рука руку моет!

На Сицилии его сподвижники, испытанный дон Кало, тем временем назначили нового дончика «Сорор-деятель». Имелось в виду, что итальянский остров должен стать... сорок девятый штатом США! Однака дон Кало при всем своем могуществе взялся за невозможное дело. Движение сепаратистов было вскоре распущенено. Тогда Калоджеро Виццини стал на службу христиано-демократической партии. С тех пор одна из главных задач Мафии — обеспечить господство этой партии на Сицилии.

Вот как это делается. Идет избирательная кампания перед выборами в парламент. Кандидат от

христиано-демократической партии Калоджеро Вольте прибыл проводить предвыборное собрание в той же Виллальбе. Вольте не один. С ним вместе приехали Джузеппе Джекено Руссо — новый руководитель всей сицилийской Мафии со своими приспешниками. В машинах у них лежит оружие. Взобравшись на помост, они открыли флагами христианско-демократической партии, отчего слово «выборы» в следующую речь: «Я прибыл в Виллальбу, чтобы побеседовать с друзьями... Я заявляю им, что мы вернемся после выборов. Мы собираемся в дружеском кружке, и там поглядим друг другу в глаза, чтобы выяснить, кто настолько другая, а кто предатели. Для этих пощады не будет».

Избиратели знали: предателями называют тех, кто хочет голосовать против синьора Вольте. Надо ли говорить, что кандидат Мафии был избран.

И вский раз после выборов новые депутаты парламента и министры спешли «отблагодарить» своих союзников. Члены Мафии проникли в общинные кассы сельскохозяйственного кредита, в управление по мелиорации, управления по проведению земельной реформы. Мафии добились контроля над организациями, которые должны были бы бороться с бандитизмом. Организованые нещие, почти безнаказанные гангстеры нахваивают огромные деньги спекулянтам, контрабандистам, политическим шантажистам. На протестах бандиты отвечают волчьей картечью или очередью из автомата: «священны правза Мафии! Если Плачидо Ризотто покинул нас, теки хуже для нас, чем для Ризотто...

— Никто не уйдет, где мой сын, — говорит отец Ризотто, и мэр кивает головой, как бы подтверждая его слова.

— Но вы, наверное, подозревали, что произошло?

— Да, и не только наша семья. Многие, многие крестьяне, те, who уже не боятся, говорили, что убили. Это были два парня из Корлеоне.

Нашелся даже свидетель, который видел твой мартовской ночью, как два тащили куда-то связанных Плачидо. Этого невольным очевидцем трагедии оказался мальчик-пастух.

Прежде чем началось расследование, предупрежденные убийцами бежали: один скрылся в Палермо, другой уехал в Америку. А Корлеоне прибыл врач, чтобы обследовать свидетеля, так как прошел слух, что мальчик ненормальный. Врач увез его с собой, а вскоре стало известно, что мальчик умер от перерождения из кровяного. Все знали: врач — сам член Мафии. Тогда, чувствуя себя в безопасности, один из убийц вернулся.

Лишь через полтора года недалеко от Корлеона на дне археологического пропасты были найдены останки Плачидо Ризотто. Значит, рассказ пастуха не был выдумкой! По заданию Мафии руководитель крестьян подвергся нападению ночью после собрания. Связанный, его притягивали к пропасти. Затем сбросили вниз, на склон.

Погорожи Плачидо Ризотто были сицилийцы, вызовом всей реакции. На этот раз предотвратить судебный процесс она оказалась не в силах. Суд состоялся. Правда, никто не ждал от этого суда многое. Дело быстро прекратили «за отсутствием улик», но Мафия была изобличена. Крестьяне всей Сицилии, с напряженным вниманием следившие за процессом, ясно поняли, что это побег Плачидо Ризотто и кто его убил.

Люди, рассказывающие нам о Плачидо Ризотто, говорят: «Мафия еще сильна, но она не сильнее народной воли».

Большие отряды крестьян выходят теперь по ночам на «операцию». Верхом на мулах, на лошадях крестьяне едут на помещичьи земли и начинают обрабатывать их. Когда утром прибывает полиция, «християнские конницы» удодят горы. Владельцы юга Италии — князь Пинтилья, маркиз Дела Сета, барони Барракко, сам граф Гатто, председатель конгресса федерации землевладельцев, могут уже защищать свои земли.

И на выборах в областную администрацию (мы всегда слышали от голоски предвыборной борьбы и видели лозунги на стенах домов в каждом городе и в каждом селе) темные силы приходится все труднее. Ни прямое вмешательство Тавикана, ни шести миллиардов лир, отпущенных союзом производителей на предвыборную кампанию, ни послание сенаторов ССА с привычным не голосовать за коммунистов, ни приезд сенаторов из Парижа, ни приезд неизвестного. Пронзивший, по определению Пальмиро Тотти, «прорыв фронта христианско-демократической партии». Сицилия пробудилась...

Из Корлеона наш путь лежал дальше в горы. Когда мы проходились с товарищами, нам уже не казалось удивительным, что здесь, в столице Мафии, где уже после войны были убиты Плачидо Ризотто и еще сто тридцать семь человек, в один прекрасный день становятся более молодых коммунистов и социалистов.

Я видел, еще очень многие сицилийцы ходят одеты в черное — цвет горя: траур на Сицилии притом носить сузу жизни, если глава семьи убит. Я встречал много крестьян — они погибли без работы и без земли. Они живут в лачугах из необтесанного камня и встают с петухами, когда еще совсем темно. Им еще очень тяжело, но эти люди уже знают: принял настоящий день.

Остров Сицилия.

Дорогая редакция!

Я много слышал о чудесных успехах советских учёных в области ядерной физики.

Расскажите, пожалуйста, на страницах вашего журнала, что нового известно сейчас науке о строении элементарных частиц атома.

А. БАРИСАС,
студент Вильнюсского государственного
университета имени В. Каунаса.

Имеют ли структуру элементарные частицы?

Физики с давних пор искали первооснову материи, те самые маленькие и самые простые тела природы — кирпичики мироздания, из которых построено все, что окружает нас, из которых состоят и мы сами. Древнегреческий мыслитель Демокрит назвал эти частицы «атомами», что в переводе означает «неделимые».

В существование атомов верили многие великие естествоиспытатели прошлого. Но открыть им, доказать верность этого возвращения науке удалось лишь в ХХ веке.

Долгое время считалось, что атом и в самом деле неделим, что его невозможно разбить на более «простые» части. Но около 60 лет назад это представление рухнуло.

Физики расщепили атом. Оказалось, что строение его очень сложно и состоит он из еще более мелких частиц — электронов и ядра. А потом удалось раздробить и атомное ядро — разъять его частицы, называемые протонами и нейтронами. Итак, электроны, протоны, нейтроны — вот три вида «атомарных» частиц, которые наша физика в начале 30-х годов ХХ века. Тогда казалось, что достигнута полная ясность в строении вещества. Каждая из частей имела свое ме-

сто в «здании» его микроструктуры. Других «кирпичиков» как будто не требовалось.

Но, изучая космические лучи, физики обнаружили еще целый ряд микроскопических частиц материи. Это мезоны, большие, чем альфа-частица, но меньшие, чем протон. Одни из мезонов способны превращать массу протона.

Микромир внезапно оказался необычайно сложным, беспрерывно меняющимся. Некоторые из элементарных частиц существуют лишь мгновения и превращаются в световые квантты, то есть мельчайшие «порции» электромагнитного поля. Так происходит, скажем, при столкновении электрона и позитрона (его нередко называют положительно заряженным электроном). Другие по неведомым причинам вдруг меняют свое качество — преобразуются во все новые и новые частицы. Странными оказались эти «невидимые» частицы мироздания. Одни из них, как сказали, рождались, гибли, обрашивались семи частич-родственников. Возник новый, очень сложный и тонкий раздел физической науки, специально занимавшийся изучением элементарных частиц. И эта область физики стала обогащаться все новыми и новыми открытиями.

Так, например, совсем недавно — в марте этого года — в Дубне коллектиком советских, китайских, вьетнамских, корейских, польских, румынских и чехословакских учёных была обнаружена новая элементарная частица — «нейтральная физика», называемая минус гипотоном. Физики-теоретики предполагали ее существование, но до сих пор обнаружить ее не могли. Время жизни этой частицы — около одной десятимиллиардной (!) доли секунды; после этого она распадается на антипротон и положительный пи-мезон.

Теперь физикам известны 23 элементарные частицы, и кроме того, еще несколько предсказанных учёными ждут экспериментального подтверждения.

Как же устроены элементарные частицы? Установлено, например, что протон имеет определенные размеры, то есть является частичкой протяженной в трехмерной, как это считается сейчас, форме. Его можно представить себе в виде некого твердого образования, называемое ядром, окруженному мезонным «облаком», или, как часто говорят физики, мезонной «шубой». В настороже время определены размеры и изучена края мезонного облака. Но о том, что творится внутри него, а тем более внутри ядра, пока ничего определенного сказать нельзя.

Многие крупные физики предполагают существование своеобразной «переводчицы». Различные модификации этой «переводчицы», или различных ее состояний, и образуют, с их точкой зрения, весь « набор » различных субъектов элементарных частиц. Изучение их структур — очень трудная задача. Как говорит профессор Быховский, она столь же трудна, как и познание далеких глубин Вселенной. Очень сложна и необходима для этого техника. Достаточно для примера назвать городство нашей отечественной науки и техники — синхрофазотрон на 10 миллиардов электронвольт, построенный в Дубне.

Так в поисках самого простого наука пришла к сложнейшему. Теперь в полной мере подтверждаются слова В. И. Ленина о неизчерпаемости такой «простейшей» элементарной частицы, как электрон — слова, сказанные им еще в 1909 году.

А. ИСАКОВ,
научный сотрудник Физического института
имени П. Н. Лебедева АН СССР

Природа — многогранная, многообразная. Не в пример членам творческих союзов этот «творческий работники» не стремятся к узким специализациям: он и живописец, и скульптор, и архитектор. Не замыкается он в тесные рамки жанра, привычного ему, а сочетает лирику с сатирой.

Журналист И. Л. Занцеев из города Сочи, страсть которого к любительству по дереву, острый глазом подсмотрел в лесу сатирические произведения природы. Вглядываясь в сумрак леса, он находил в переплетенных зародышах фигуры. Лиши для уточнения деталек и черт требовалось вмешательство резца, чтобы завершилось скульптурное олицетворение взяточнического подхалима, зазнаника и т. д.

Сегодня мы печатаем фотографии некоторых резных карикатур, выполненных И. Л. Занцеевым.

ПОДХАЛИМ

КЛЕВЕТНИК

ВЗЯТОЧНИК

ХУЛИГАН

ТИ
ФИЛМЫ

«РЫЖИК»

«ПРОСТАЯ
ИСТОРИЯ»

Первая страница обложки: «Это дети, которых никто не знает в тюменской гимназии № 1 и медицинском институте. Все свои силы губернатор комсомола Логинова отдала для того, чтобы скопр вылечить порученных ей больных людей. Сейчас Логина успешно занимает место медиком-хирургом в местной больнице и на постоянную работу в г. Беговат центре металлургии Узбекистана. В. Б. Бондарев».

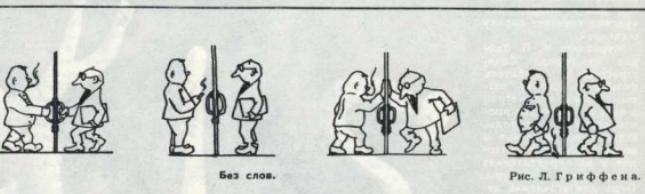
Четвертая страница обложки: Средиземное море около Барселоны. Очерк «Вавилон, здравствуй!». Фото Ю. Семёнова.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 26.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Секретариат — Д-3-54-24, Отделы: литературы и искусства — Д-3-35-24, юмора и публицистики, юмора и сатиры — Д-3-51-68, научной и технической, спорта — Д-3-38-82, международной жизни, информации — Д-3-36-90, писем — Д-3-51-69, оформления — Д-3-34-22.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: М. Н. Алексеев, Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, В. Д. Николаев (заместитель главного редактора), Е. М. Рыбчиков, А. А. Сосин, С. С. Спасский, Б. И. Степанов.

Оформление С. Спасского.
Технический редактор А. Ерасов.

А 06307. Подписано к печати 1/VI 1960 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 945.
Заказ 1386. Формат бумаги 70 × 108%.

2,25 л. — 6,17 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Н. Ермолов.

Все пути скрываются в Москве.

